

ИМАН
КАЛЬБИ

КАВКАЗСКИЙ ХИЩНИК

*Какая девочка
станет плохой*

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Иман Кальби

**Кавказский Хищник. Хорошая
девочка станет плохой**

«Автор»

2025

Иман Кальби

Кавказский Хищник. Хорошая девочка станет плохой / Иман Кальби — «Автор», 2025

- Вы же понимаете, что это похищение?! Кавказец начинает гортанно хохотать.
-А ты у нас прям кавказская пленница... Хватает за затылок, резко фиксирует.
-Ты правда, мелкая дрянь, решила, что можешь вот так унижить меня перед всем институтом- и тебе за это ничего не будет?! За свой рамс придется ответить, киска... Чтобы бесстыжие глаза не были такими дерзкими... Глаза в пол научу опускать, а не смотреть на мужчину как равная...-Пустите... Что вы собрались делать?- голос дрожит, хоть я храбрюсь из последних сил. Этому беспредельщику наплевать на любой закон...- Догадайся,- шепчет хрипло, вжимая в меня свое каменное тело,- поставлю тебя на колени, киска... Научу быть покорной...-Невинная, но сильная героиня-Эмоционально-Настоящая любовь вопреки традициям и условностям

Содержание

Хорошая девочка станет плохой.	5
Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	12
Глава 4	13
Глава 5	16
Глава 6	19
Глава 7	21
Глава 8	27
Глава 9	30
Глава 10	32
Глава 11	35
Глава 12	37
Глава 13	40
Глава 14	42
Глава 15	44
Глава 16	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Иман Кальби

Кавказский Хищник. Хорошая девочка станет плохой

Хорошая девочка станет плохой.

Пролог

– Вы же понимаете, что это похищение?!

Кавказец начинает гортанно хохотать. Ему сейчас очень весело и смешно.

– А ты у нас прям кавказская пленница...

Хватает за затылок, резко фиксирует. Черты его лица становятся жесткими, хищными. Я перестаю дышать.

– Ты правда, мелкая дрянь, решила, что можешь вот так унижить меня перед всем институтом и тебе за это ничего не будет?! За свой рамс придется ответить, киска... Чтобы бесстыжие глаза не были такими дерзкими... Научилась держать их на земле, а не смотреть на мужчину как равная...

– Пустите... – говорю, тяжело дыша. – Это противозаконно... Что... Что Вы собрались делать? – голос дрожит, хоть я и храбрюсь из последних сил.

Этому беспредельщику наплевать на любой закон...

– Догадайся, – шепчет хрипло, вжимая в меня свое каменное тело. – Поставлю тебя на колени, киска... Научу быть покорной...

– Не научишь... Никогда, – в уголках глаз собираются слезы. Но это слезы не поражения, а силы. Ему меня не сломать... Не дождется...

В тот день я могла поклясться кровью, что этому мужчине, которого теперь ненавидела всеми фибрами души, не удастся поставить меня на колени...

Но кто я перед злой улыбкой судьбы, которая сделает так, что в один прекрасный день сама опущусь перед ним на колени. Добровольно...

А он поднимет меня так высоко, что у любой бы закружилась голова.

И закружилась...

Наша болезненная страсть была вопреки.

Вопреки разным статусам, традициям его семьи, условностям общества, в котором он рос...

Мы были не пара друг другу.

Из разных миров.

Из разных социальных слоев.

С разными статусами.

Но, черт возьми, когда он смотрел глубоко мне в душу своим орлиным черным взглядом, выжимая педаль газа на максимум, и моя спина вжималась в спинку его суперкара, я чувствовала себя самой счастливой на свете.

Только... Сколько было отведено этому счастью...

Глава 1

Я уже устала кричать и брыкаться. Голос сорван, горло саднит, пальцы ломит от того, с какой яростью я врываюсь в обивку багажника. Здесь внутри почти ничего нет – разве только аптечка и маленький огнетушитель, при каждом повороте больно утыкающийся мне в ногу. Воздух спертый. Тело затекло и словно бы одеревенело. Не знаю, сколько я здесь нахожусь, но едем мы точно не менее сорока минут.

Точно, за город. И зачем только влезла в эту историю... Я ведь нормальная хорошая девочка... Только есть у меня один недостаток... Вечно я со своей правдой-маткой нарываюсь на неприятности, вечно ложусь грудью на амбразуру за пресловутые правду и справедливость. Мне кажется, я выбрала этот мажорный вуз не только для того, чтобы получить образование, но и чтобы доказать окружающим, что и обычные люди могут учиться в Институте международных отношений, если они умны и талантливы.

В общем, Ленин бы точно принял меня в свою команду, но он лежит в Мавзолее на Красной площади, а я, кажется, все больше удаляюсь от центра Москвы в сторону бескрайних зеленых куш области.

Машина, наконец, замедляет ход, а через какое-то время и вовсе тормозит. Это явно не остановка на светофоре, потому что двигатель глушат, дверь хлопает, а спустя минуту открывается и багажник.

Моргаю, на автомате в жесте самозащиты выставляя руку перед лицом. Слышу смешки и мужские голоса, которые сливаются в моем панически спазмирующем мозге в единый гул.

Но взгляд все же удается сфокусировать, проморгавшись. Надо мной нависает, все еще удерживая руки на машине, до боли знакомый громила, которого бы я, честно говоря, мечтала никогда больше не встречать, но... злой рок судьбы распорядился иначе... Бородатый кавказец оглядывает меня со смесью усмешки и интереса.

С ужасом замечаю, что моя короткая джинсовая юбка задралась. Хорошо хоть, что черные колготки плотные и трусов через них не видно, но ему все равно хватило, чтобы буквально замазать меня сальным взглядом.

– Отдохнула? – усмехается он и протягивает мне руку.

Не решаюсь ее взять.

– Еще хочешь тут полежать? – снова усмехается.

Ему вторит гогот вокруг. Всем очень весело. Очень-очень весело смотреть на издевательства здорового амбала над бедной простой девушкой...

Все-таки решаюсь и протягиваю ему дрожащую кисть.

Орел резко вытягивает меня наружу.

– На ногах стоять можешь или помочь?

– Могу... – хрипло говорю, но тут же хватаюсь за капот авто, потому что меня и правда штормит. – Где я?

Оглядываюсь по сторонам. Какой-то огромный гараж, а скорее автомастерская. Здесь несколько таких же навороченных машин, как та, на которой он меня чуть не сбил два месяца назад, в первый день моей учебы в университете, когда я безмятежно бежала с ворохом учебников в общежитие.

Сразу несколько человек заняты какой-то работой: кто-то распыляет баллончик по кузову, нанося кислотно-бешеный рисунок на футуристичного вида автомобиль, кто-то копошится под машиной – торчат только ноги.

Чуть поодаль столы, а над ними экраны с видами гоночных трасс. У меня ощущение, что я попала в фильм «Форсаж». Даже было бы интересно рассматривать это хозяйство, не будь я так напугана.

– Пойдем, поболтаем, – выдает кавказец, имени которого я до сих пор не знаю, и тянет меня за локоть в сторону одной из дверей в темно-серой бетонной стене.

– Анзор, ты помотришь новую тачку? Вчера прислали. Целка... – слышится голос сбоку. И я тут же получаю косвенный ответ на застывший вопрос.

Его зовут Анзор.

Только от этой информации мне легче не становится...

– Посмотрю, – отвечает он, а потом с усмешкой добавляет, кидая и в мою сторону красноречивый взгляд:

– Целки бывают очень непредсказуемые...

Все снова сально гогочут. Это у них, наверное, в моде и привычке.

А я чувствую себя овцой, которую ведут на заклание. Внутри всю выворачивает. Горькое раскаяние, даже отчаяние просто разрывает. Зачем... Просто зачем я облила этого громилу кофе в присутствии половины института...

Семеню за ним. Один его шаг – как три моих.

Поднимаемся по узкой и крутой металлической лестнице. Здесь в коридоре так темно, что черт глаза сломит...

– Куда мы идем? Зачем? Зачем вообще вы засунули меня в багажник? Давайте Вы просто отпустите меня – и я никому ничего не скажу, не заявлю на Вас в полицию. Будем считать, что мы с Вами квиты за то кофе. Иначе придется заявление на вас писать, это ведь по факту похищение...

– Не пизди, – осекает он меня.

И ведь даже не грубо, хоть и гадким матом.

Предельно спокойно и расслабленно, пренебрежительно, словно бы я сейчас не выдавала ему прямые угрозы, а просто жужжала мухой на ухо.

Такая реакция может говорить только об одном: что он собирается меня убить и заявлять в полицию о похищении будет некому...

Или что он чувствует свою совершенную безнаказанность...

Автоматически затыкаюсь. Не потому, что его внушения действуют на меня. Просто в этот момент я судорожно анализирую, какая из двух моих теорий правильная.

А он принимает это молчание за свою победу...

Опять смотрит на меня и усмехается.

– Видишь, киска, можешь быть покорной...

– Не дождетесь, – вскидываю подбородок, когда он заталкивает меня в комнату на втором этаже.

Быстро оглядываюсь по сторонам. В моей ситуации важно сразу улавливать все детали. Это правило я где-то читала. Может, даже в курсе основ безопасности жизнедеятельности. Ведь я всегда хорошо училась в школе.

Это спальня. Какой ужас. Спальня!

Над гаражом-мастерской?! Кто здесь спит?

Не поганая загаженная берлога, а стильное лофт-пространство.

Стены кирпичные. У одной из них стоит огромное зеркало в пол в металлической раме. Напротив него широкая низкая двуспальная кровать, расположение которой наталкивает на нехорошие мысли... Что на ней делают?

Стильное кожаное кресло, как на дизайнерских картинках, – на нем небрежно лежит несколько футболок и та самая куртка, которую я облила кофе сегодня утром...

– Проходи, осваивайся, – говорит в спину издевательски-дружелюбным тоном, наблюдая за мной, скрестив руки на груди.

Резко оборачиваюсь на него.

– Зачем мне осваиваться?! Что Вы хотите сделать?! Что вообще происходит, ответьте! – голос звучит истерично и надрывно. Теперь мне и правда дико страшно, хоть я изо всех сил и пыжусь не показать это ему. В багажнике было страшно, среди толпы абреков в каком-то гараже тоже, но этот страх не идет ни в какое сравнение с тем, что я чувствую сейчас, стоя в спальне один на один с *ним*...

– Анзор... – умоляюще произношу, словно бы это что-то меняет.

Он с улыбкой вскидывает бровь.

– О, ты даже знаешь, как меня зовут? Льстит...

Подходит близко. Встает, нарушая мое личное пространство, нависая своим двухметровым ростом.

– Вы же понимаете, что это похищение... Что бы Вы ни делали дальше, уже сейчас Вы себе на статью заработали...

Он начинает гортанно хохотать. Ему сейчас очень весело и смешно.

– А ты у нас прям кавказская пленница, да?! Умора...

Хватает за затылок, резко фиксирует. От былой веселости ни следа. Черты его лица становятся жесткими, хищными. Я перестаю дышать.

– Ты правда, мелкая дрянь, решила, что можешь вот так унижить меня перед всем институтом – и тебе за это ничего не будет?! Ты хоть понимаешь, перед кем выебываться вздумала? Да перед Анзором Гаджиевым все даже дышать бояться! За твой длинный язык тебя наказать надо было еще на светофоре. Что правил дорожных не знаешь и хамишь старшим... А я отпустил... Чтоб ты потом на меня кофе вылила, словно бы я цыпленок промокший?!

– Вы оскорбляли нас с подружкой со своими друзьями...

– Твоя подружка – шлюха и шкура. Она заслужила. А значит, и ты... У моего товарища было право назвать ее так, как он ее назвал! Не знаешь правило? Скажи мне, кто твой друг – я скажу, кто ты... Общаешься с ней – значит, такая же... Да оно и видно – даром, что ли, наперла эту мини-юбку и гарцуешь по университету, жопой крутя?

От шока и возмущения начинаю заикаться...

Что вообще в голове у этого горского шовиниста?!

– Что Вы несете?! То есть за то, что я в короткой юбке, я уже шлюха?! Вообще-то это модно!

– Вообще-то это блядски...

– Я не блядь! – говорю, чувствуя, как гадкое произнесенное слово жжет горло. Сильно-сильно жмурюсь, чтобы не заплакать. Он сейчас точно меня по кругу пустит. Для этого, наверное, здесь эта спальня...

– Не трогайте меня, пожалуйста, – говорю срывающимся голосом, – я сожалею, что на эмоциях облила Вас. Могу заплатить Вам за испорченную куртку.

Он усмехается.

Хватает за подбородок, второй рукой нагло накрывает бедро и сжимает ягодицу.

– Это вряд ли, киска... На куртку похуй. А вот моральную компенсацию я получу... Понравилась ты мне... Губки пухлые, волосы длинные, зад зачетный, ноги длинные. Прямо вижу, как я нахожу применение всем твоим красивым частям тела... Чтобы бесстыжие глаза не были такими дерзкими... Научилась держать их на земле, а не смотреть на мужчину как равная...

– Пустите, – говорю, тяжело дыша. Грудь вздымается. С этим мачо из аула, который хоть наверняка и живет на Рублевке или в центре Москвы, но так и остался в своих косных пережитках, я общего языка не найду...

Он опускает свой дикий взгляд мне на грудь, тут же хватая ее рукой через ткань.

– Охуеть... И сиськи настоящие... Я думал, у тебя пуш-ап, а это все твое... Безмозглая ты, киска. С такой фактурой могла бы жить царицей, будь ты покладистой и кроткой... А придется наказывать...

– Что... Что Вы собрались делать? Это противозаконно! – голос сиплый. Я уже не надеюсь выбраться отсюда. Этому беспредельщику наплевать на любой закон. Он вжимает меня в себя, рвано дыша. Чувствую животом его эрекцию. – Догадайся, – шепчет хрипло, – сейчас посидишь тут, над своим поведением подумаешь, а когда я вернусь, будешь покорной.

– Я люблю, когда девка передо мной раздевается, демонстрируя себя. Войду, сяду в кресло – ты снимешь медленно с себя все тряпки и встанешь на колени... Будешь покорной и хорошей кисулей, отымею сам и отпущу. Никто к тебе больше не прикоснется. А начнешь выебываться, – он хмыкнул и кивнул головой в сторону окна, которое выходило не на улицу, а на гараж вторым светом. Внизу продолжало сновать кучу людей. Намек был красноречив и понятен.

Дергаюсь и дрожу.

Этот урод и правда пустит меня по кругу...

Анзор отступает так же стремительно, как и схватил. Не оглядываясь, выходит наружу и хлопает дверью, ключ в которой предусмотрительно поворачивается.

А я остаюсь запертой внутри... Совершенно разбитая, раздавленная, понимающая неизбежное, но совершенно его не принимающая...

Самое ужасное, что у меня еще не было мужчины... Этот беспринципный беспредельщик с жестоким черным взглядом станет моим первым... В каком-то паршивом гараже...

Он поймет меня, а потом мне все равно придется столкнуться глаза в глаза с десятком таких же абреков, не уважающих никого, кроме себя... И даже если он меня им не отдаст, они точно будут знать, что он со мной сделал...

Господи, разве это то, о чем я мечтала два месяца назад, когда исполнилась заветная мечта моей жизни – и я стала студенткой самого престижного вуза страны?! А ведь как все сказочно начиналось...

Глава 2

Два месяца назад

Мне просто не верится. Я, простая девочка из Иваново, стала студенткой Института международных отношений! Даже произносить страшно... Это ведь даже звучит как-то недостижимо!

Сколько раз слышала: «Хватит парить в облаках! Выбери что-то по твоим возможностям! Надо реально оценивать свой потенциал»... Конечно, речь шла далеко не об умственном потенциале. Я не просто была лучшей ученицей в нашем городке и должна была получить золотую медаль. В последние два года я брала первые места во всероссийских олимпиадах по литературе, истории и английскому.

– Дело не в том, что ты не сможешь, Радужка, – говорила моя классная руководительница, когда я торжественно сообщила ей, что подала документы в самый престижный вуз страны, – просто ты ведь знаешь, какая там публика... Там все чьи-то сынки и дочурки, все с золотыми ложками во рту...

А меня только раздражали эти разговоры. Для того чтобы принести документы в институт, мне не нужно сдавать кровь на подтверждение своей аристократичности или предъявлять выписку с долларового счета с шестью нулями.

Меня поддерживала только мама, посвятившая свою жизнь мне. Отец оставил нас, когда мне было десять, и больше я о нем ничего не слышала. Мама, работавшая главным бухгалтером на ткацком заводе, жила только мной, и все свои деньги тоже тратила только на меня и мою учебу.

Когда в середине июня из приемной комиссии сообщили, что мои баллы позволяют поступить на бюджет, прыгала от радости до потолка. Чувство гордости и счастья – абсолютное, всеобъемлющее – впервые обьяло каждую клеточку тела. Мы плакали и смеялись с мамой, как умалишенные. А еще хотелось кричать всем и каждому: «Я смогла! Верьте в себя! У вас тоже получится! Не слушайте окружающих!».

Два месяца до первого сентября прошли в режиме интенсивной подготовки к жизни в столице. Мама выпотрошила все свои заначки, готовя доченьку к жизни в большом городе. Мне были куплены действительно очень красивые вещи, ультрамодные туфли, потрясная сумочка. Может быть, до элитных брендов эти вещи не дотягивали, но уж точно были качественными и стильными.

Я помню то свое первое сентября... Волнение буквально паром валило из ушей. Модные туфли цокают по серому мрамору пола, джинсовка развивается на легком сентябрьском ветру. Довольно короткая юбка комплектом к куртке могла бы показаться кому-то вызывающей, если бы не плотные темные колготки, зрительно еще больше удлиняющие ноги. В этом осеннем сезоне это был главный тренд, и я с гордостью его несла. Мне ж нужно соответствовать!

Первое знакомство с сокурсниками прошло очень ярко и эмоционально. Потом мы долго толпились у деканата, списывая расписание и делиась впечатлениями от распределения по языковым группам, а после дружно понеслись в библиотеку, чтобы завести читательские билеты и забрать стопки книг, приготовленные для нас в рамках основной программы.

Вот с этими самыми книжками, длинный столбец которых упирался мне в шею, я и вышла, окрыленная первыми впечатлениями. Не терпелось быстрее прийти в свою комнату в общежитии, которая располагалась прямо на территории университетского кампуса, позвонить мамочке, все ей рассказать, всем поделиться... Столько всего яркого в моей жизни за один день.

Не иду, почти порхаю. Подхожу к переходу, быстро посмотрев по сторонам, бегу через дорогу. Дикая визг тормозов обжигает перепонки. Я на инстинктах дергаюсь, когда вижу

боковым взглядом тормозящий автомобиль, по форме скорее напоминающий космический корабль. Его футуристичная морда в буквальном смысле останавливается в миллиметре от моих коленок в плотном капроне.

От того, что я так резко дергаюсь, книжки рассыпаются по дороге. Только прошел дождь, и потому в ярости морщусь, видя, как белые страницы ныряют в темные лужи на асфальте.

– Урод! – громко кричу, от раздражения, пережитого стресса и досады топая ногой. – Слепой, что ли?! Это вообще-то переход!

– Слышишь, ты, овца дерзкая с длинным языком! – громкий, не менее раздраженный бас в ответ. – Вообще-то он под светофором! У тебя красный!

Растерянно поднимаю глаза. И правда вижу, что пешеходная дорожка регулируется светофором. А потом перевожу глаза на водилу, опустившего окно и прожигающего меня ненавистно-раздраженным взглядом...

Вмиг становлюсь маленькой-маленькой, почти микроскопической. Разом обостряются все инстинкты. Особенно те, что связаны с инстинктом самосохранения...

За рулем космолета сидит brutальный кавказец. С легкой щетиной, мускулистый и пугающий одним своим видом. Про таких обычно говорят, что на них лишний раз даже смотреть не стоит – себе дороже... От таких точно нужно держаться как можно подальше и желательно даже дорогу не переходить на той улице, где они ездят... А я, идиотка, умудрилась не только почти попасть ему под колеса, так еще и обозвать его...

– Вы все равно за рулем, должны смотреть по сторонам! Если Вы меня бы сбили, осознаете, какими бы были последствия?!

Зачем... Вот зачем я продолжаю обострять? Вечно последнее слово должно остаться за мной!

Наверное, потому что на дороге уже скопилась настоящая пробка, а я ползаю в грязи и собираю испачканные библиотечные книжки. И как я буду за них отчитываться? Примут ли их обратно вообще? Нам сегодня вообще-то говорили, что за порчу имущества института, в том числе библиотечного, полагается штраф, и немаленький... Или придется покупать новые книги. Да только где у меня такие деньги... Стипендии явно не хватит, а я надеялась перестать доить бедную мать и постараться как-то вписаться в свой скромный бюджет...

Мужик на удивление не отвечает. С его стороны сейчас вообще тишина... Непонимающе поднимаю на него глаза и опять зависаю от страха.

Потому что он теперь нагло рассматривает меня, ухмыляясь и совершенно не обращая внимания на бибикающие автомобили сзади. Наглый тяжелый мужской взгляд валяжно стекает от груди, затянутой черной водолазкой, до тонкой талии и ниже. Останавливается на точечных коленках. Ноги, оказывается, у меня очень красивые. За сегодня я уже успела получить пару комплиментов от парней с курса... Про Иваново не зря шутят, что у нас «город невест». На весь мой класс в двадцать пять человек был только один парень, и ему в женском изобилии явно было не до комплиментов мне.

– А ты, киска, осознаешь, какими могут быть последствия за то, что ты сейчас мне так дерзко пиздишь?

Глава 3

За последние два месяца я уже освоилась в диком темпе московской жизни, приспособилась к интенсивному учебному процессу и даже обзавелась подружками.

Самой закадычной стала Катька Власова, которая училась в моем потоке и была родом из Рязани. После переезда в Москву в ее жизни сразу начались тусовки, клубы и гулянки до утра. Меня эта сторона московской жизни не интересовала от слова «совсем» я жила учебой. Но в институте мы с ней держались вместе и в целом очень хорошо сошлись как соседки по парте.

Я сразу начала прилежно учиться и старалась держаться в стороне от соблазнов Москвы. Не высывалась, не выделялась, не обостряла. Пожалуй, та жуткая история на переходе у общаги первого сентября – самое громкое и шокирующее мое потрясение.

До сих пор задаюсь вопросом, как так получилось, что мне удалось отделаться от того мужика легким испугом? Он словно сосканировал в моих глазах страх и все-таки решил отпустить. Сам, добровольно. Хоть и понятно было, что от такого можно ждать всего, что угодно.

У нас в институте таких было пруд пруди. Кавказцы вообще составляли отдельную касту. Всегда самоуверенные, держащиеся в стороне, очень богатые. Вот уж среди кого и правда не было простых мальчишек – они бы сюда попросту не попали. Зато были очень-очень влиятельные мажоры, не знающие отказа. Вернее, влиятельными были их отцы, а они лишь наслаждались благами жизни, которые давало их происхождение...

– Вот от кого нужно держаться подальше, – вещала Катька. – Даже с моим аферизмом я сдерживаюсь, хотя, признаться, ой как хочется замутить с каким-нибудь загорелым горячим Магой...

– Почему Магой? – усмехалась я.

– Потому что они все сплошь Маги. Ну, Мага – в смысле Магомед. Это они так сокращенно себя называют. Только, блин, это себе дороже, Рад. Две недели с ним потусишь – он потом тебя полжизни прессовать будет, если увидит рядом с другим. И не потому, что нужна, потому что они все немного тронутые на собственничестве. Относятся к девушкам как к вещи, а к русским – тем более. Короче, лучше я потушу с каким-нибудь лайтовым Иваном и буду представлять на его месте Магу...

Сперва подруга и правда держалась заданного плана. И правда «втрескала» в себя милого и доброго Ивана. Но чудовищнее всего то, что и Мага тоже появился... Вот только роковые последствия для судьбы ее встреча имела не для нее, а для меня. И звали эти последствия не Мага.

Мужчину, которому будет суждено перевернуть мою жизнь, будут звать Анзор или Хищник, как называли его друзья. Анзор Гаджиев. Мой кошмар. Мой палач. Мой рай и ад.

И кто бы знал 1 сентября, что случайная неприятная встреча на светофоре возле общаги обернется тем, чем она обернулась...

Глава 4

Двадцатое октября – это второй день того сумасшедшего года, который я буду помнить в мельчайших подробностях вплоть до звуков, запахов, эмоций, спектр которых мог бы сравниваться с контрастом температур на северном полюсе и тропическом экваторе...

Осень в этом году была теплой и затянувшейся. У мамы день рождения двадцатого октября, потому я всегда отчетливо помню, что в этот день обычно выпадает первый снег. А сейчас даже желтая листва крепко держалась за деревья, словно не желая опадать и уступать дорогу зиме.

Пахло прелостью, которая почему-то дурманила голову. От прохладной влажности волосы завивались, как их не выпрямляй, а тушь оставляла легкую темную поволоку под глазами, которая сильно старит и делает взгляд уставшим в старости, а в юном возрасте, наоборот, придает лицу томную загадочность.

Занятия начинались со второй пары, и потому мы с Катькой решили прошмыгнуть за продуктами в соседний супермаркет, заодно и кофе взять. Разгрузились, похватали рюкзаки, пошли в сторону университета.

Неприятные присвистывания и шепотки услышали сразу, как только поравнялись с компашкой кавказцев в кожаных куртках и длинной щетиной на лице, праздно шатающихся снаружи «на центре». Очевидно, на занятия они не спешили, а просто впустую проводили время, как, впрочем, делали постоянно.

Такие часто могли что-то сказать в спину или присвистнуть, но обычно это все равно было в рамках приличия или не так чтобы сильно громко, а сегодня...

– О, смотри, сосочки, – услышала я гнусный голос одного из «самцов» и почувствовала, как кожа покрывается липким потом. И это был не страх, а раздражение.

Рядом стояла еще какая-то компания студентов. Явно не из категории распальцованных кавказских мажоров. Они со смесью интереса и опаски взирали на происходящее, слушая гнусные замечания козлов в наш с Катькой адрес, но не вмешивались. Почему-то я была уверена, что они с удовольствием раструбят о том, что услышали...

– Катя, а подружка тоже так сладко дает? – продолжал вещать говноголос с акцентом.

Его дебильное замечание было тут же встречено идиотскими похихикиваниями в компании.

– Да, такая давалка, ты бы знал, – обернулся козел, навешивающий на нас гадости в первых ролях, на кого-то из своих. Второй явно что-то уточнял про нас, просто от начинающего пульсировать в голове гнева я ничего уже не слышала.

Мы с Катькой шли под ручку. И потому она сразу заметила, как я напряглась, закипая, сильно сдавив ее локоть.

– Забей, Рад. Они просто уроды... – тихо проговорила она и ускорила шаг, опустив голову.

Пораженно посмотрела на подругу.

Это моя воинственная Катька сейчас?! Что вообще происходит?! Она их боится?! Среди бела дня в собственном институте?! Мы вообще сейчас о чем?!

Вон, обычные парни, бледные и тихие, стоят рядом, а эти козлы гогочут, как кони, совершенно наплевав на то, что они в институте и вообще-то сюда приходят учиться, а не обзывать... Хозяева положения чертовы. Это что вообще за беспредел?! Дальше что?! Будут подходить – шлепать нас под зад безнаказанно?!

– Эй, кудряшка, хочешь, покатаю тебя на своем колесе? – снова услышала уже в спину. А вот это уже адресовывалось точно мне. Потому что у Катьки было идеально прямое каре... Это мои непослушные волосы все время кудрявились от этой погоды. Я застываю. Чувствую,

как щеки пылают. И не от стыда. Перед глазами теперь уже красная пелена. У меня такое всего несколько раз в жизни было... Нет, одно дело приставать, даже сально, но ведь это откровенные оскорбления... Средь бела дня... Без повода... Мы даже не посмотрели в их сторону, чтобы дать повод! Разворачиваюсь, крепко сжимая наполовину полный стаканчик кофе в руках. Надеюсь, он еще не остыл...

– Это Вы мне? – подхожу к компании, дрожа от ярости.

– Тебе, крошка, – усмехается один из козлов. Смазливый такой, напомаженный. Прямо светится от холености. Идиот. Лучше бы книгу открыл, почитал...

– Так что, покатаемся? У меня хата напротив универа. Успеешь к третьей паре... Ком-пашка снова разрывается гадким гоготом. А я медленно оглядываю присутствующих. Их не меньше пяти. Хочу их запомнить. Эти уроды с нами «учатся»... А ведь дома наверняка со своими сестрами строят из себя идеальных и вежливых...

Лица почти все фактурные, но для меня сливающиеся в единый черный фон. Они безлики. Потому что интеллект такой толпы обычно равен интеллекту самого глупого из них. А сейчас это уровень барана на пастбище.

– Сестру свою покатай, – выплевываю дерзость и не отвожу глаза.

Уже нет смысла отступить. Я в той точке невозврата, когда уже страх не имеет значения... Это уже вопрос чести...

– Ты не охуела, случаем, пиздаболка?! – слышу его грубое и явно уязвленное. – Ты как разговариваешь?

– Как ты заслужил и чего стоишь, так с тобой и разговариваю, – отвечаю, вздергивая подбородок.

Чувствую, как меня жгут глазами в ответ. Со всех сторон. Но один взгляд ощущаю сильнее всего. Он оставляет на коже следы. Такое я уже чувствовала раз...

Медленно поворачиваю голову на его источник, скорее инстинктивно.

Смотрю и вздрагиваю. Это тот мужик... Блин, а он не мужик, оказывается. Плюс-минус ровесник этих козлов. Старшекурсники. Возможно, уже магистратура. Даже звучит смешно... Бараны и магистратура...

– О, дерзкая, а я смотрю, ты не ты... Сколько лет, сколько зим? – усмехается он мрачно, тоже узнавая меня. – Правила дорожного движения выучила?

– Че за пантера, Хищник? Знаешь ее? – говорит кто-то из толпы кавказогопников. – Как твоя подружка?

– Не пантера, а киска, – усмехается тот в ответ. – Безобидная... Доводилось познакомиться...

Слышится гогот. Они что сейчас подумали? Он тоже ухмыляется, по ходу оттесняя всех других назад, подходит вплотную ко мне, вставая так, что нарушается мое личное пространство. Кофе жжет пальцы через крафт, но я даже не чувствую этого.

– Вот вы ведь все себя такими настоящими мужчинами считаете... Ставите всех ниже себя. Только вы единственные правильные и крутые. А в чем крутизна? Гадости в спину девушек говорить, думая, что они не ответят? Это тошно и подло. И да, мне на месте ваших матерей было бы стыдно, что таких козлов воспитала, – тараторю я ему нравоучения, словно бы оправдываясь, что ли... Или... Сама не знаю, не ожидала я этой встречи...

– Замолчи, киса... – произносит хрипло водитель космолета, – не тебе нас сейчас морали учить. Иди дальше, пока пускают... И так уже на наказание наговорила...

– Пока пускают?! На наказание? – Ярость сейчас газует и зашкаливает на внутреннем спидометре. Я уже не чувствую ни берегов, ни страха. С детства такой была... Принципиальной правдорубкой. – Вы кто вообще такие, чтобы так хамить?! Ничтожные мажорчики, нули! Папины сынки без чести и достоинства!

– Заткнись, девочка! – продолжает он уже гораздо более низким голосом. Его глаза чернеют, словно бы наливаясь яростью. Я видела уже этот взгляд, когда он меня чуть не сбил. Тогда я тоже должна была «идти, пока отпускают»...

– Рад, пойдем! – пищит сбоку на отдалении Катя, которая застыла опоссумом, как только я вступила в разборки. И что она такая бесхребетная оказалась, а? Можно разве сносить такие оскорбления на ровном месте?! Я б еще поняла, если бы мы шли на темной незнакомой улице, но мы в родном институте, среди бела дня! Неужели на них управы нет?!

Чувствую, как злость и даже какая-то беспомощность стискивают все мое нутро. А ведь мы ничего даже сделать не можем против этих козлов! Только молча сносить эти оскорбления на глазах у других перешептывающихся студентов, которым тоже на все плевать – лишь бы их не трогали...

Дальше все происходит на автомате. Словно бы это какие-то внутренние демоны нашептали моему разгоряченному вопиющим хамством сознанию.

Резко срываю крышечку с кофе, и... обливаю этого несостоявшегося Юрия Гагарина с густой щетиной на лице еще горячим кофе...

– Получай, гад! – вырывается утробным, не своим голосом.

Картинка замедляет ход в моей голове. Я прямо отчетливо вижу, как изогнувшаяся дугой толстая струя цвета латте делает вираж и хлестко заливает густую шевелюру брутала. Он тоже шокирован и заторможен. Его зрачки расширены, а рот кривится в удивленно-возмущенном «о», после чего на лице появляется брезгливость, раздражение, и... дикая ярость.

Жирные капли разбежались по черной глади куртки и обильно смочили воротник водолазки. Он пытается отряхнуться, жмурясь, но только сильнее размазывает по себе кофе.

Вокруг гул из голосов. Мне кажется, происходящее видит весь институт. Словно бы все высыпали разом на центр и взирают на небывалое... Кто-то похихикивает, кто-то перешептывается, кто-то возмущается.

Прихожу в себя, понимая, что нужно срочно делать ноги. Потому что осознаю, что конкретно перешла черту – и последствия будут ужасными. И до того, как он переводит свой испепеляющий взгляд на меня, несусь прочь в направлении входной группы, где стоит спасительная охрана института. То, что он кричит мне в спину, стараюсь не слушать. Потому что там что-то намного более ужасающее, чем то, что обещают грешникам в девяти кругах ада...

Глава 5

– Рада, нужно поговорить, – уныло и тихо бубнит Катька, стоило нам только выйти из аудитории.

И я, и она после случившегося сегодня утром, мягко говоря, чувствовали себя паршиво.

Ярость отступила, и на ее место пришло сожаление. И на фиг я вообще марала руки об этих уродов? Вот вечно я пару горячку, а потом жалею.

Да только разве можно себя проконтролировать, когда с тобой вот так грубо и гадко... На глазах у всех...

Этот урод еще и меня выставил виноватой в том, что они нас оскорбляли. Да и за подругу хотелось заступиться...

Им просто поржать, а за нами этот гадкий шлейф из их оскорблений будет тянуться все годы учебы...

– Что такое, Кать?

Отходим к большому окну в пол, на батарее под которым вечно сидели студенты.

– Дело в том, – тяжело вздыхает подружка, – что тот чувак не зря мне гадости говорил... Я... Короче, мы ведь в субботу в клубе были с девчонками... Я с ним переспала, Рада. А оказалось... – Она делает паузу и сглатывает. – Он дружит с Ваней моим... Они одноклассниками были в какой-то навороченной школе на Рублевке.

Ваня, с которым Катя уже как месяц крутит бурный роман, тоже учится у нас в институте и ездит на новом шикарном спортивном «Мерседесе». Больше примечательного в Ване я не знаю. Я вообще не поняла, как можно было на него запасть. Разве только что Кате нравится катать свою холеную рязанскую попу на его супертачке... А еще я знаю теперь, что Катька полная дура, раз влезла туда, куда сама зареклась не влезать...

Вот только я еще большая идиотина. Правдистка хренова. Больше всех надо... Стоим друг друга... Она позорится, а я зачем-то лезу защищать ее имя...

– Ну что сказать, Кать, замечательно... – В моем тоне легко считываемое раздражение. И еще больше сожаления от случившегося. – А раньше ты сказать не могла?

– Когда?! Ты так рьяно кинулась на амбразуру! Главное – убила бы хотя бы этого придурка Магу – он трусливый шакал, а ты на Гаджиева полезла! Ты хоть знаешь, кто он такой?!

– Какой-то мажор тупой, – цежу сквозь зубы, хотя внутри, конечно же, все переворачивается. Я не железный человек, а просто девушка. И да, черт возьми, мне страшно!

– То, что он вообще-то сын президента одной из кавказских республик, – одно дело. Я про другое, Рада, он вообще неуправляемый. На голову отшибленный. Хищником не зря его зовут. Он король ночных гонок без правил. Такое творит, ты представить не можешь! Ему вообще закон не писан.

От слов горе-подруги, которая, словно бы нарочно нагнетая, в носу начинает предательски щипать.

Вспоминаю лицо этого грозного «хищника» в момент, когда кофе полилось на него грязно-коричневой струйкой и начало прыгать жирными каплями по идеальной новехонькой кожаной куртке, и внутри все переворачивается...

– Короче, ты влипла, подруга... – выдает Катька, а мне уже едва удается сдержать слезы обиды. На фига мне вечно больше всех надо? Ну что я за дура такая, а?

– А как же моральные принципы, Кать? – слова болезненно царапают горло. – Ты ж вроде как с Иваном, и у вас любовь... А эти клятвы, что никаких маг...

– Ну... Не все ж у нас такие правильные, как ты, Радмилушка... – усмехается она язвительно. – Это ты у нас мисс-идеальность. И учишься лучше всех на курсе, и парни заглядыв-

ваются. И типа вся такая недотрога, а сама в мини-юбке со своими ножищами длиннющими всем глаза мозолишь...

В шоке смотрю на ту, кого я сейчас так рьяно защищала. А там столько злости и даже... зависти, что ли...

– Так... Я это слушать не хочу... Молодец, подруга, что...

Встаю резко, иду быстрее от нее в сторону. Долго-долго собираю себя в туалете, и потому на следующую лекцию захожу с опозданием. Садимся мы теперь тоже отдельно. Но мозг все равно как отморожен. Слова лектора льются мимо ушей. Голова раскалывается. Мне параноидально кажется, что все на кафедре сейчас смотрят на меня и перешептываются о произошедшем...

От тяжести мыслей я даже учиться не могла толком. На семинарах как-то вяло еще отвечала, а вот лекции вообще прошли мимо ушей...

После профуканного учебного дня уныло плетусь в общагу, мысленно радуясь, что я на территории универа, под камерами. Хотя бы тут мне вряд ли угрожает быть убитой и зарытой...

Прохожу мимо парковки, слышу жалобное мяуканье, оглядываюсь. Котенок. Весь грязный и с загноенными глазками. Стоит, одну лапку поджимает под себя – холодно малышу.

Сажусь на корточки перед ним.

– Где твоя мама, маленький? – руки тянутся к слипшейся шерстке.

Наверное, там, под слоем грязи, она оранжевая и полосатая.

Малыш отвечает мне очередным жалобным мяуканьем.

Прикусываю губу, нервно размышляя.

В общагу брать его мне категорически не разрешит вахтерша. У нас с этим строго.

Но он же замерзнет на улице! Куда пристроить малыша?

Снова слышу мяуканье – уже более решительное, даже паническое.

– Малы-ыш-ш-ш... Ну как мне тебе помочь?

Сердце разрывается.

Не могу видеть страдающих животных.

Они ведь не могут ответить и дать сдачи, как хотя бы я сегодня сделала с тем зажавшимся придурком. Молча сносят всю боль, которую причиняем им мы, бессердечные люди...

Блин, короче, спрячу его в куртке, пронесу мимо вахтерши, отпою молоком и отогрею в комнате, а потом что-нибудь придумаем... Может, пристрою к кому с курса, кто в городе живет.

Громко-паническое мяуканье продолжается. Глажу малыша.

– Назовем тебя Рыжик. Неоригинально, зато понятно...

Наверное, за этими разглагольствованиями с котом на корточках я и не заметила в его мяуканьях настойчивое предупреждение о том, что позади происходит что-то нехорошее...

Резко оборачиваюсь, когда совсем рядом хлопает дверь машины. Только и успеваю вскрикнуть, как меня хватают за шкурку и резко разворачивают. Брыкаюсь, как насекомое, не касающееся пола. Хватаю ртом воздух, как рыба... Меня кто-то держит сзади, а перед собой я вижу...

Передо мной стоит тот самый облитый кофе самец, правда, уже переодевшийся. Стоит и просто смотрит на мою беспомощность, положив руки в карман, со смесью иронии и равнодушия, но я понимала, что это он дирижирует этим беспределом. Это его «урок мне». «За дерзость». Я услышала в спину, как он сказал, что «накажет»...

Пытаюсь вывернуться из захвата, но тщетно.

– Кидай ее сюда, – небрежно кивает головой.

Чувствую себя мухой на паутине, которая зачем-то машет крыльями, хотя уже точно понимает, что ее сожрут. Куда меня? В лесополосу? По кругу пустят?

Молча открывает багажник. Еще раз пробегается по мне этим своим непонятым взглядом, а потом цепкие руки, сильно сжимающие меня обручем захвата, закидывают меня туда внутрь, словно бы я мешок картошки, а не человек...

Глава 6

И вот... Я оказалась на втором этаже гаража-мастерской... В ожидании своего похитителя... Через какое-то время он вальяжно поднимется вверх, будет меня унижать, после чего отымеет...

И самое ужасное, что я даже не знаю, что дальше.

К ужасу понимаю, что сумка с телефоном осталась в машине. Они предусмотрительно забрали ее у меня, когда закидывали в багажник.

От беспомощности закусываю губу и морщусь. Оглядываюсь по сторонам.

Хотя бы нож найти. Буду угрожать ему, как придет. Или пырну себя.

Хоть не так будет стыдно...

Пусть трахает труп...

Может, все-таки испугается? Читала, что такие вещи отрезвляют зарвавшихся мажоров...

Как назло, не нахожу в комнате ничегошеньки, что можно было бы использовать в качестве самообороны.

Даже под кровать залезаю. Открываю шкаф. Там идеально проглаженные вещи, пахнущие химчисткой. Даже заглядываюсь – чистый люкс.

Пара деловых костюмов, кипенно-белые рубашки и футболки с джинсами. Все явно очень дорогое, но без кричащих брендовых логотипов.

Вижу маленький холодильник под письменным столом, как в отелях. Там бутылки воды. Вытаскиваю одну и залпом выпиваю. Мозг спазмирует от обезвоживания. А мне нужно думать... Думать, как себя спасти...

Пока пью, цепляю глазами учебник по международной экономике с эмблемой нашего института. Интересно, он тут для красоты? То, что абрек тоже студент ИМО, я теперь не сомневаюсь, но вот что он что-то за годы учебы выучил – не верю. Впрочем, какое мне дело... Надо сейчас другим озаботиться...

Глаза утыкаются в окно. Тихо подкрадываюсь к нему, потому что смотрит оно не на улицу, а на двор той самой автомастерской, зато с внутренним ликованием замечаю, что на нем нет никаких замков... Всего-то и нужно, что повернуть ручку...

Только... Только я на втором этаже...

Нервно слатываю, отхожу от него подальше, чтобы ненароком кто-то снизу не увидел, что я тут стою и рассматриваю их...

Когда изучать уже нечего, потерянно сажусь на край кровати.

Время тянется, как резина.

По внутренним ощущениям проходит не менее часов трех.

Здесь невозможно понять, какой сейчас час и вообще стемнело ли уже, но по логике уже глубокая ночь...

Сон накрывает меня болезненными и рваными вспышками. Я то проваливаюсь, то снова вынырываю, нервно оглядываясь по сторонам.

Потом мне снится какой-то странный сад, где очень красивые цветы, но у них огромные острые шипы, и они то и дело касаются моей ноги. Я все жду боли, но вместо нее нежные поглаживания.

Вынырываю из забытья и резко подсакиваю, потому что рядом со мной в темноте сидит внушительная фигура Анзора.

– Выспалась, киска? – спрашивает он хрипло.

Группируюсь и вжимаюсь в изголовье кровати.

Даже в темноте его глаза светятся алчной похотью и вседозволенностью.

Внизу стало тихо. Не слышно даже голосов мужиков и работающих телевизоров с монотонными записями гонок.

По телу бегут мурашки. Опять дико страшно...

– Отпусти меня, – молю, чувствуя, как голос предательски вибрирует.

– Мы это уже проходили... Иди сюда... Я же сказал, что тебе нужно сделать, когда я приду. Не беси меня, киска... Ты заслужила наказание. Я не отпущу тебя... Потому может быть по-нормальному, а может, жестко... Выбирать тебе... Слушаешься или обостряешь. И потом несешь ответственность за последствия...

Резко подскакиваю с кровати.

Он тоже, вальяжно отходит к тому самому проклятому креслу, к которому я должна приползти на коленях, раздевшись.

Садится так, словно бы он хозяин мира. Широко расставив ноги и откинув спину.

Пячусь назад.

Подвоха он не видит.

Думает, что я сейчас выполню все, что он говорит.

И правда, какой у меня выбор?

Какая дура будет сопротивляться, когда и так все понятно?

Сейчас бы кстати пришлась отвратительная фраза «расслабься и получай удовольствие»...

А дальше...

Дальше я действую так быстро, как только могу...

Резко распахиваю окно, быстро взбираюсь на подоконник и, зафиксировав взором его ошарашенное выражение лица, сигаю вниз...

Последнее, что я слышу от шока, это его «идiotка-а-а» вдогонку, но уже поздно...

Глава 7

Я умерла. Нет, точно! Я умерла!

И горю в аду!

Сразу! Во всех кругах ада.

Потому что сейчас все тело горит, особенно нога и ребра. Это даже не просто боль – это агония...

Жалобно скулю. На другие звуки попросту сил не хватает.

Может быть, Бог меня услышит и пожалеет. Заберет отсюда куда-нибудь повыше... Ну, я ведь не совершала никаких смертных грехов... В сущности, даже еще не успела. Меня пока хватало только на прилежную учебу. Дальше книжек я ничего не видела...

Я всего лишь Радмила Тарханова. Простая студентка из Иваново. Мне восемнадцать лет, и я ничего плохого в этой жизни не сделала...

Ну, разве только что оставила свою любимую маму тосковать в родном городе, уехав в большую враждебную Москву с наглыми мажорами. А еще не спасла маленького котенка у общежития, который точно замерзнет сегодня ночью...

Скулю, как волк.

Боюсь открыть глаза. Боюсь пошевелиться.

Все страшно.

– Жива? – слышу хриплый грубый голос рядом, вырывающий меня из болезненной прострации. Понимаю, что вряд ли так может звучать ангел...

Да, точно в аду.

Это демон...

Тогда почему голос спрашивает, жива ли я?

Конечно же, мертва, если я в преисподней...

Может, за тупость тоже посылают в ад и это один из моих соседей «по нарам»?

– Рада! – слышу навязчивый бас, настойчиво взывающий ко мне. Меня касаются чьи-то цепкие пальцы и прощупывают.

Я разлепляю-таки глаза.

А вот лапать меня не надо даже в аду... Я не позволяла!

Ужасаюсь. Отшатываюсь, но тут же дергаюсь от боли.

Нет, все-таки не умерла...

Недоуменно и аккуратно поднимаю голову, которая, слава богу, вроде как цела, и смотрю наверх. Я внутри салона его внедорожника. И надо мной открытый люк и то самое пресловутое окно на уровне второго этажа...

Это что, я влетела в этот самый открытый люк?

Да уж, просто по-ювелирному точно.

Пытаюсь пошевелить корпусом, но тут же чувствую острую пронзающую боль в ноге. И ребро справа болит. Аж дышать больно.

– Больно... – говорю и слышу словно бы со стороны в собственном голосе дрожащие нотки.

Передо мной гад Анзор. Челюсть сжата, дышит глубоко. Внимательно осматривает, продолжая прощупывать руками.

– Где больно? – голос серьезный и сосредоточенный.

– Везде больно! – кричу в ответ и срываюсь-таки на плач. Это не только потому, что реально не могу пошевелить ногой ниже коленки и дух спирает. Еще и мое общее состояние дало о себе знать. Как бы из окна просто так по своей прихоти не сигают... Я была доведена им до отчаяния...

Трогает, продолжает осматривать. Задирает водолазку на талии почти до бюстгалтера. Снова вскрикиваю, когда большие пальцы касаются ребер.

– Так, травма ребер справа и ноги. Надо проверить, есть ли трещина, но перелома вроде нет.

– А ты что, врач? – огрызаюсь я и отворачиваю от него голову настолько, насколько могу в своем скованном положении. Менять позицию тела физически не в состоянии.

– Я гонщик и часто в разное попадал. Да и друзья. Не всегда с травмами можно к врачу после наших кипешей... А вообще везучая ты, Рада. Точно кошка... – усмехается, – это ж надо так умудриться залететь именно в открытый люк. Упала бы на асфальт – крышка тебе... И с чего я решил его открытым оставить... Как чувствовал... Чуйка моя... Капец ты отшибленная! Из окна сигануть!

– Это ты отшибленный! Неужели и правда решил, что я просто разрешу себя поиметь на забаву?! Лучше подохнуть!

Он хмыкает. Чувствую на себе его взгляд. Плевать, что в нем. Мне бы как-то выжить...

Отходит, куда-то звонит. Тут же возвращается ко мне.

– Сейчас приедет скорая. Посмотрим, что ты себе заработала...

А я опять попыталась проявить самостоятельность. Опять стало дико больно, и потому пораженчески брызнули из глаз слезы. Уткнулась головой в кожаную обивку сидения. Стараясь не давить на ногу. Не получается. Вес тела смещен на эту часть.

Анзор встает коленками на сидение и немного двигает меня, осторожно, видя мои мучения.

– Так легче?

– Легче... – тихо бубню под нос, всхлипывая.

Повисает молчание. Он все еще склонившийся надо мной. Смотрит.

– У тебя, скорее всего, только вывих. Я разбираюсь в травмах. Все нормально будет... – снова повторяет этот свой бред.

– Нормально? – поднимаю на него яростный взгляд сквозь пелену от застилающих слез. Задыхаюсь от возмущения. – Это ты называешь нормальным? А полицию ты вызвать не желаешь, Анзор? Напомнить тебе, при каких обстоятельствах я сиганула со второго этажа?

Наши взгляды снова пересекаются.

Понимаю, что вообще не в том сейчас положении, чтобы качать права и обострять. Мне бы Богу помолиться, чтобы он меня в покое живой оставил, а там уж соберу себя в прямом смысле по косточкам... Если смогу... Считай, еще легко отделалась от такого уroda. Но просто эта его утешающая манера...

– Я не собирался тебя насиловать, Рада, – говорит он сухо и сипло, – я баб не насилую. Так, решил просто припугнуть и проучить, чтоб больше не выпендривалась. Я ж не знал, что ты такая...

– Какая?

Молчит. Смотрит.

Анзор садится снаружи машины на корточки, чтобы мне было не больно поднимать голову. Дверь в авто открыта, я все еще внутри. Травмированного человека лучше не трогать до приезда специальной бригады, чтобы не навредить. Это даже я знаю. Король уличных гонок, не сомневаюсь, тем более.

– Я готов взять на себя ответственность и понести наказание, Рада, – говорит он вдруг мне, а я задумываюсь: откуда это он вообще знает мое имя. До этого состояние шока и боли как-то не давало об этом задумываться... – Приедем в госпиталь, можешь на меня заявить. Вызовем полицию.

Сглатываю ком в горле и отворачиваюсь. Ничего ему сейчас не отвечаю. Слишком больно. Слишком устала. У меня вообще-то учеба, а я лежу в каком-то гребаном гараже на заднем сидении танка, в который влетела через люк, словно бы я граната...

Оба слышим звук приближающейся сирены. Темное помещение лофта-гаража освещается светом проблесковых маячков.

Дальше все происходит стремительно. Меня аккуратно извлекают из машины и переносят в скорую на носилках.

Быстрый осмотр врачом, измерение давления, сатурации, концентрации взгляда.

Анзор протягивает мои документы из сумочки фельдшеру. Садится на сидение сопровождающего в карету скорой помощи.

– Нет, – говорю тихо, но твердо, снова пересекаясь с ним глазами, – не нужно со мной здесь ехать.

Бригада суетится и делает вид, что нас не слышит.

Он поджимает челюсть. Хочет что-то возразить, но все же ретируется, вылезая обратно.

Напоследок кидая то ли мне, то ли докторам в кабине.

– Я поеду на машине следом.

Прикрываю глаза устало, но все же успеваю краем глаза ухватить, как он сует в руки докторов несколько купюр.

На душе гадко.

Купил их молчание?

Чтобы лишних вопросов не задавали?

А что, неудивительно...

Спустя двадцать минут мы заезжаем на территорию большого госпиталя.

Меня тут же окружают вниманием и заботой. Сразу везут в травматологию. Осматривают, ощупывают, аккуратно стягивают одежду до белья, переодевая в больничную рубу.

Заходит доктор. Приятный мужчина средних лет. Проводит осмотр. Говорит мало. Отправляет на рентген, куда меня тут же увозят.

Спустя полчаса я снова на аудиенции у того самого врача.

Мы в большой палате, разделенной на койки за шторками. Все как в фильмах. Я в первый раз в таком месте. Надеюсь, что и в последний...

– Ну что, Радмила. Хорошая новость: все не так страшно. На ребрах только ушиб, который через пару недель пройдет. Что касается ноги, то перелома нет, как и трещин. Мы имеем дело с неосложненным вывихом. Сейчас сделаем Вам местную анестезию и совершим мануальную репозицию сместившихся костей. Другими словами, вправим вывих. Будет неприятно и немного больно, но терпимо. А потом наложим гипсовую шину. С ней придется ходить от семи до десяти дней. На самом деле, ходить – это громко сказано. Думаю, выпишем Вам больничный, посидите дома, отлежитесь.

– Какой больничный... – испуганно подбираюсь я на кушетке и тут же корчусь от боли. – У меня на этой неделе важный семинар, который я не могу пропустить! Если это произойдет, то мне не светит зачет автоматом, а я... два месяца на это усердно работаю...

Доктор лишь разводит руками равнодушно. Его лицо сейчас такое бесстрастное, что аж тошно становится. Он что, не был студентом? Студентом был, а вот со второго этажа не сигал – это уж точно...

– Придется хорошенько подготовиться к зачету, Радмила, раз не будет автомата. Вы не о том сейчас думаете. Радуйтесь, что отделались только вывихом... После такого падения...

Снова начинаю плакать, теряя концентрацию на словах мужчины. Бешусь на себя за эти слезы слабачки. Обидно. Как же обидно... Из-за какого-то гада сразу столько проблем. И действительно, зачем только я нарывалась, а? Баграмян – лютый зверь и славится тем, что ставит зачет только тем, кто исправно и усердно ходил на его семинары. Половина отчисленных в

первый год учебы пострадали именно от его лютости... Если я пропущу эту неделю, когда мы должны выступать с докладами, мне явно не светит сдать малопонятную экономтеорию без пересдач, а это значит – прощай, стипендия. А ведь я так рассчитывала постараться не зависеть от маминой зарплаты...

В палату входит медсестра, а за ней мой «герой» собственной персоной.

Его лицо все такое же напряженное.

Невольно зацепляюсь за него взглядом, но тут же отворачиваюсь. Не хочу на него смотреть...

Врач тоже видит «посетителя» и как-то хмурится, тут же задергивает шторку у моей кушетки. Но небольшая щель все равно остается, и я вижу, как Анзор садится на один из предназначенных для сопровождающих стульев чуть поодаль.

Доктор натягивает латексные перчатки с характерным звуком, а по моей коже и без того пробегает озноб. Ненавижу уколы. Ненавижу боль. Как... Как это все могло со мной произойти...

– Расслабьтесь, Радмила. Придется потерпеть. Это неизбежно.

Шумно втягиваю носом воздух. Пытаюсь собраться, но не получается.

Снова интуитивно нарываюсь на Его взгляд.

И в нем, мать его, гребаное сочувствие. Это как-то неправильно и больно. Не хочу его сочувствия. Вообще хочу, чтобы он ушел отсюда.

Конечно же, не буду я на него заявлять.

Просто хочу, чтобы он испарился из моей жизни, как эфир.

Дергаюсь от того, как игла входит в мясо, протягивая кожу. Больно. Каждое движение – больно. Все больно.

Начинаю порывисто дышать. Опять хочется плакать. Губы дрожат.

Ждем пару минут, как подействует анестезия, а потом – вправление.

Мне кажется, обезболивание вообще не действует. По крайней мере, чувствую совершенно все, чувствительность никуда не пропала...

Когда врач касается моей ноги, я автоматически дергаюсь, отодвигаясь, и снова скулю от боли.

Анзор играет желваками, все это время не отпуская меня из своего зрительного внимания.

А потом вдруг делает несколько решительных шагов ко мне, резко дергая шторку.

Бесцеремонно садится на кушетку, не обращая внимания на врача. Смотрит в глаза и зачем-то кладет руку на мою шею.

– Рада, послушай, станет легче. Просто не думай о боли. Она от противоестественного положения сустава. Его нужно вернуть обратно. Все вернется обратно, слышишь? Все будет хорошо... Просто переживи это. Стань сильнее...

Кусаю губы нервно. Сбивчиво дышу.

Ничего уже не будет обратно...

Я... я...

– Смотри на меня, – гладит по волосам, устанавливая тесный зрительный контакт, – смотри и медленно дыши носом. Глубоко. Вдох-выдох, давай, вдох-выдох, вдох...

С запозданием успеваю поймать в ракурс, как Анзор кивает врачу, и в ту же секунду слышу характерный хруст. Тут же чувствую острую волну боли. Она резко накатывает, но тут же отступает. Нога ноет, но... Это ощущение константно, без вспышек и агонии.

– Тише... – шепчет он, продолжая гладить по волосам, – все позади... Сейчас наложат гипс... Ты большая умница...

Выдыхаю облегченно.

Снова трясутся губы. Теперь уже от слегка отступившего напряжения.

Я сейчас очень слаба и уязвима. И только поэтому разрешаю ему быть рядом. Просто нет сил воевать...

Голова опять как в тумане. Вижу суесящихся над моей ногой людей. Их не меньше трех-четырёх человек. Интересно, за всеми такой пристальный уход и контроль у нас при поступлении на скорых? Ну что я хочу. Это ж Москва, столица...

Врач деликатно просит Анзора вернуться на свое место, а меня снова прикрывают шторкой.

Чувствую, как ногу покрывают чем-то холодным, наматывают бинты, снова чем-то мажут. Гипс...

Отрешенно смотрю перед собой.

Снова на него...

Вижу, что волнение не отпускает.

Очкует, что я на него заявлю?

Хотела бы я верить, что да.

Чтобы хоть как-то найти управу на этого негодяя.

Но... Что-то мне подсказывает, что даже если бы я решила идти на рожон до конца, он бы все равно победил...

Когда процедура позади и медсестры дают оказание подождать, пока гипс окончательно застынет, доктор берет со стола какой-то органайзер с бумагами и садится на стул напротив, низко подавшись вперед.

– Радмила, мне нужно зарегистрировать Ваше поступление к нам в госпиталь, и потому я хотел бы собрать кое-какие Ваши личные данные. Итак, ваше ФИО, дата и место рождения, номер паспорта и ОМС записаны верно? Проверьте, пожалуйста.

Просматриваю записи и молча киваю.

– Хорошо. Теперь еще кое-что.

Доктор немного понижает тон.

– Вы поступили в госпиталь при, – прокашливается, – мягко говоря, странных обстоятельствах. У Вас ушибы от падения с высоты. Как это произошло?

В горле пересыхает. Язык резко прилипает к небу. Замираю и непроизвольно опускаю глаза на свой свежий гипс. Не знаю, что сказать... Но почему-то правду говорить упорно не хочется. Я устала, и это бессмысленно. Как раз тот случай, когда моим правдорубством ничего не добиться... А может, это меня так быстро сломали... Или я поумнела... Говорят, шоковые ситуации быстро заставляют людей «мудреть»...

– Моя неосмотрительность, – говорю тихо, – случайно так получилось. Сидела на подоконнике, а рама была не закрыта...

– Случайно выпали из второго этажа гаража? Сидели на подоконнике? – скептически спрашивает доктор. Конечно же, он не верит ни единому моему слову.

Сжимаю кулаки под простыней и собираю себя в руки. Поднимаю на него уверенный взгляд.

Хочется честно сказать ему, что меня впечатляет его принципиальность и даже в чем-то благородство, но мне эта акция Робин Гуда явно сейчас ни к чему...

– Да, это произошло случайно.

Доктор недовольно поджимает челюсть.

– Вы в муниципальном госпитале, Радмила. Здесь Вам не угрожает опасность... У Вас травмы. Скажите, – снова делает паузу, – возможно, есть еще какие-то травмы, которые мы не обнаружили при первичном осмотре? Требуется ли Вам гинекологический осмотр?

Непонимающе поднимаю на него глаза.

– В смысле? При чем тут гинекологический осмотр?

Он понижает голос еще ниже. Придвигается еще ближе.

– Если Вам были нанесены какие-то... – сам запинаясь. – Рада, Вас не пытались изнасиловать?

Шумно втягиваю воздух в легкие.

– Нет необходимости, – отвечаю твердо. – Меня не пытались изнасиловать.

Доктор молчит, но на его лице так и считывается «точно»?

Меня это, признаться, даже начинает немного выводить из себя.

Щеки невольно заливаются пунцом. Я и так чувствую себя униженной, а еще и эти жирные намеки...

– Я девственница, – произношу и невольно поднимаю глаза. Не на доктора.

Почему-то инстинктивно мой взгляд находит Анзора в той самой щели шторки, отделяющей меня от него.

Между нами приличное расстояние, именно поэтому врач говорит смело, хоть и тихо.

По идее он не должен нас слышать.

Но почему-то уверена, что слышит. Сейчас точно уверена в этом.

Он смотрит. Считывает. Чует.

«Я девственница», – вибрирует в голове мой ответ доктору, и я вижу, как он рикошетит по Анзору. Он хватает его, впитывает.

А дальше на каком-то гормонально-интуитивном уровне между нами происходит что-то сумасшедшее. Я бы даже сказала, животное.

Этот момент я запомню на всю жизнь. Настолько четко, отчетливо буду его помнить, что всякий раз при воспоминаниях по телу будут бежать мурашки.

Вижу, как темнеет радужка и без того темных острых глаз. Как расширяются зрачки. Как порывисто, рывком он втягивает воздух, а на горле дергается кадык.

Происходящее с ним как на замедленной съемке. И самое чудовищное, что я не могу заставить себя отвернуться. Смотрю.

Смотрю на то, как Анзор превращается в Хищника.

Да, именно в Хищника, все охотничьи инстинкты которого разом обостряются.

Глава 8

– Тебе удобно? – мое усаживание в танк Гаджиева заняло не менее тридцати минут.

– Уж поудобнее, чем в багажнике как картошка... – пробубнила себе под нос. Хотелось уже быстрее со всем этим покончить, особенно с его присутствием, которое невероятно давило на меня.

Сначала он откатил кресло и расположил его так, что я почти легла. Потом долго-долго настраивал спинку, нависая надо мной, почти касаясь моего тела, что сильно напрягало.

Я была слишком уставшей и отрешенной, чтобы сейчас хоть как-то реагировать на эти маневры, и просто решила стойчески их снести.

– Поехали? – спросил он риторически, дернув мой ремень безопасности, словно бы такие вещи в машинах класса люкс сбоили. Опять навис, опять в глаза заглядывает. Раздражает...

Мы стартуем с места, словно бы от земли отрываемся. По ходу, ему удается летать не только на том космолете, но и на тяжеленном внедорожнике.

Лавирует между машинами, перестраивается в последний момент, газует на светофоре, как пуля.

– А можно помедленнее? У меня вроде как остались еще целые части тела, и я бы хотела их сохранить! – я искренне испугана, вжимаясь в кожу кресла, вцепившись до побеления костяшек в дверную ручку. Дышу порывисто. От того ребра ноют при каждом вдохе и выдохе...

Он слегка сбавляет ход, но не особо-таки. Кидает на меня взгляд с усмешкой.

– Что, быстро реально? Я не чувствую... Извини. Ненавижу тащиться, как черепаха.

Закатываю глаза, пропуская это нелепое замечание мимо ушей.

– Ты в общаге живешь?

– Да, меня туда, пожалуйста.

Он поджимает челюсть, но кивает.

– Там будет кому тебе помочь? С ногой в гипсе быт дается не так легко...

– Разберусь... – отвечаю твердо. Это не твоя забота...

– Тебе уколы прописали, Радмила...

– Медсестру вызову из институтской поликлиники, – нетерпимо раздражаюсь. Подумаю об этом, как останусь в спасительном одиночестве. Без него...

– Я в шестнадцать лет так сломал ногу, что мне пришлось три месяца в больнице лежать с гипсом и подвешенной с гирей ногой, – вдруг откровенничает со мной Анзор. – Отвратительно было.

Усмехается.

– Дай угадаю, ты попал в аварию...

Смеется.

Отец тогда очень сильно выбесился. Я ведь был несовершеннолетним, даже прав иметь не мог, а вляпался в ужасный эпизод. Слава богу, никто не пострадал, кроме моей ноги и тачки. Ну и забора старого. В принципе, можно было и не вешать гирю. Это из старых методов. Чтобы кость правильно срасталась и ничего не укоротилось. Сейчас ставят аппарат Елизарова обычно в таких случаях. Но батя так проучить меня решил, приструнить. Типа три месяца на койке вместо летних каникул.

– И что, приструнил?

Сама не знаю, зачем я участвую в этом диалоге. Просто я реально выжата как лимон. Только поэтому, только-только.

Снова хмыкает.

– Конечно, нет... С того дня дал себе слово, что сделаю все, чтобы быть полностью независимым от отца...

Анзор замолкает и супится. Я тоже больше ничего не говорю. Смотрю в окно на холодную осеннюю Москву. Все так стремятся в этот город, так манятся на блеск его огней, а зачем? Я сама жила с этой мыслью многие годы. Думала, что мое счастье – в столице, что там я найду себя, но верно ли я поступила, бросив на кон все? Уехав от матери, выбрав этот громкозвучающий вуз? На своем ли я месте? Потяну ли во всех смыслах? Ведь вокруг меня и правда столько понтов, что голова кружится. У нас действительно почти нет простых детей. Даже те, кто не на люксовых авто с водителями, и то дети всяких чиновников и дипломатов. Не размером кошелька, так громким именем... Я даже не ожидала, что ярмарка тщеславия может быть и правда такой реальной, а не гротескно-преувеличенной, как в книгах...

Мы подъезжаем к высотному неприметному зданию. Анзор паркует машину в том самом месте, где я вчера пыталась спасти котенка. Как он, маленький? Он ведь надеялся на меня, а я... К горлу подступает ком.

Он выходит из машины, открывает дверь, отстегивает ремень безопасности и берет на руки.

– Ты что делаешь? – возмущаюсь я, отталкивая его рукой, скорее в инстинктивном жесте.

– Здесь нет санитаров и кресел-каталок, Рада. А костыли мы тебе еще не добыли...

Костыли. Черт... Я пока совсем не думала о том, как буду перемещаться по общаге. Санузлы и душевые у нас отведены в отдельный отсек на этаже. До них еще надо дойти... Да и как купаться с гипсом в душевой? Паника начинает слегка бить в голову и кружить ее. И это вовсе не от его тесных объятий.

Несет меня, словно бы я вообще ничего не вешу. Щеки пылают. Ненавижу это ощущение беспомощности и утраты контроля, но сейчас именно в таком моменте. Хорошо, что он не видит мое смятение в темноте...

В проходной вахтерша с удивлением смотрит на появившегося в дверях Анзора со мной на руках. Опускает глаза на гипс и начинает что-то недовольно ворчать, требуя предъявить документы и грозя позвать охрану, так как «этот мужчина тут явно не живет, а я всех помню».

В этом я не сомневаюсь. Как и в том, что уже завтра с утра о произошедшем будет знать вся общага. Любовь Ивановна – знатная сплетница, притом и злобно-мстительного разряда. Попади раз ей в немилость – не принеси шоколадку, если задержался в городе до отбоя, или включи громко музыку – и будет тебе опала на века...

Но в данной ситуации вопрос решается быстро и решительно – очередной высунутой купюрой из кармана Анзора.

И вот он уже решительно несет меня в направлении собственного жилища, на ходу спрашивая этаж и комнату.

Мы быстро поднимаемся на лифте на пятый этаж. В кабинке тесно, хоть нас всего двое. Странно. Обычно нас сюда набивается до десяти человек, особенно с утра, когда все на занятия опаздывают. А он здесь кажется каким-то неестественно высоким и крупным. Словно бы великан в домике Хоббита...

Заходим в мою комнату. Соседка по комнате на месте. В излюбленной позе – сверху на очередном качке. Мы с ней не очень ладим. Вернее, держим дружеский нейтралитет. Она из тех, кто делает больше ставку не на учебу, а на «развитие социальных связей» в универе. Главное, чтоб это потом не вылилось в «лечение половых последствий». Я пару раз возмущалась, что она могла бы найти более подходящее место для своих случек, но это вылилось только в пререкания и напряженную обстановку.

Анзор резко включает свет и матерится, когда глаза падают на то же, что вижу и я.

– Сдрыгнули отсюда, – шипит он.

А главное – они его сразу и беспрекословно слушаются, что меня совершенно обескураживает.

Анзор сажает меня на мою кровать, а сам мрачно оглядывает комнату. Проходит в коридор, бесцеремонно открывает дверь в шкаф, скорее всего, пытаясь найти ванную.

– Сортир на этаже? – спрашивает он.

Молча киваю и отворачиваюсь.

– Спасибо большое, дальше я сама, – говорю строго. – Всего доброго, Анзор. Я не буду на тебя заявлять, но и от тебя прошу оставить меня в покое. Не хочу иметь ничего общего с вашей компанией и тем более выслушивать в свой адрес.

– Какие книги тебе нужны? – перебивает он, словно бы вообще меня не слушая.

– Чего?

– Говори, что собирать. Какие книги нужны для занятий, что взять из вещей.

– Куда взять? – не понимаю я его.

Наши взгляды пересекаются.

– Ты в этом гадюшнике не останешься со сломанной ногой.

Глава 9

От подступившего высокой волной возмущения я даже на пару секунд замираю, хлопая ресницами. Это он сейчас серьезно?

Делаю глубокий вдох и выдох. Пытаюсь успокоиться, чтобы размышлять и отвечать рассудительно.

Вроде бы ловлю себя за хвост и усмиряю.

Поднимаю максимально спокойный, выдержанный взгляд на него.

– Анзор, спасибо большое за помощь и участие, но я повторяюсь: дальше я сама. Мне больше Ваша помощь ни в чем не нужна...

Поджимает челюсть. Смотрит на меня внимательно и хмыкает.

– «Ваша» – это кого? Мы снова на «Вы»?

– А мы и не переходили на «ты». В простом общении такая форма предполагает дружбу или панибратство, а мы не друзья и ими быть не можем. То, что я могла как-то не совсем адекватно себя вести от шока и боли, неминуемо последовавших за падением, не говорит о том, что кто-то дал Вам право вторгаться в мое личное пространство и диктовать свои правила.

Он быстро подходит ко мне и садится на корточки. Прямо передо мной. Горячий взгляд нагло стекает от моего лица к груди, талии, и... упирается между ног.

Я все еще в той идиотской мини-юбке, но на мне нет колготок, которые были сняты перед наложением гипса, только белье.

Автоматически сжимаю бедра еще сильнее.

Хочется спрятаться от него, скрыться. Это присутствие слишком сильно давит...

– Почему ты такая, а? – спрашивает как-то вкрадчиво и сипло. И снова улыбается недобро этими своими кончиками губ. Очень опасная улыбка. Почти хищный оскал. – Не совсем адекватно вела себя, говоришь? Рада, а когда вообще ты вела себя адекватно? Строишь из себя хорошую девочку, а сама...

– А сама шлюха или как там... Не помню, как ваша компашка меня обзывала, но что-то типа того...

Его лицо вмиг становится заостренным и до невозможности напряженным. Челюсти сжимаются.

– Об этом можешь забыть. Ни одна... – делает паузу, выдыхает шумно, – слова тебе больше не скажет.

А я печально усмехаюсь. И правда сейчас грустно и пусто на душе. Устала я... Очень хочу поспать. Вот очень...

– Будете затыкать всем рот и дальше купюрами? В больнице заткнули, чтобы лишних вопросов не задавали, вахтершу подкупили. Кого еще?

А он все смотрит и смотрит. Впивается в меня своими глазищами. Аж по позвоночнику холодок бежит. И нога в гипсе ноет сильнее.

Вдруг протягивает руку к моему лицу и трогает щеку большим пальцем. Вроде как волос с нее убирает, только нет там никакого волоса. У меня все убрано в тугий хвост на затылке.

– Ты права, Рада, мы с тобой точно не сможем быть друзьями... И знаешь, мне нравится, что ты меня на «вы» называешь... Голос сиплый и низкий... Я тебе об этом еще напомню, когда время придет...

– Для чего придет время?

Хмыкает. Встает. Направляется к выходу.

– У тебя в телефоне забит мой номер, Рада. Если что нужно, сразу звони, понятно?

Молчу, стиснув зубы, хотя страсть как хочется ответить: «Непонятно»...

– И когда я буду звонить, чтобы сразу поднимала.

Сжимаю кулаки. Вот же ж... Хамло... Приказывает он мне тут... Он вообще мне кто? Раздраженно отворачиваюсь к стене.

– Завтра с утра жди медсестру. Придет уколы тебе в попу ставить. У тебя прописан курс антибиотиков и анальгетиков на семь дней.

Эту фразу тоже оставляю без ответа. Таращусь в высокое окно. Долго и упорно.

Отмираю только тогда, когда точно убеждаюсь, что он сгинул.

Козлина. И где берутся такие наглые люди? Сам же вынудил сигануть вниз, сам же сейчас делает вид, что заботится, так еще и как авторитарно!

Резко оборачиваюсь на инстинктах к двери, вздрагивая, когда она распахивается, чуть ли не вылетая из петель.

На пороге соседка, которая улыбается заговорщицки в тридцать два зуба, сжимая в руках костыли в пластике.

– Офигеть! Это что сейчас было?

Смотрю на нее, подняв бровь.

– Тебя сам Хищник на руках сюда принес? А ты не такая простушка, как мне сначала показалось...

В ее тоне нотки интереса и зависти. Прямо такие очевидные, приторные, что аж тошно...

– В туалет не хочешь, Радужка? Или, может, еду какую тебе заказать? Или водички...

– Ты это чего такая вдруг заботливая и сострадающая? – спрашиваю горько-скептически, а сама почему-то и без того знаю ответ...

Она скалится, напоминая в моменте шакалиху, а потом вытаскивает из кармана толстовки нехилую такую пачку пятитысячных купюр.

– Мне тут велено за тобой приглядеть... Я готова... Соседкам нужно помогать, – подмигивает мне, а я все. Краснею, как помидор, от ярости. Снова из-за выходов этого... Срывает все предохранители.

– Теперь слушай сюда, соседка, – шиплю, словно бы сама хищница, а не побитая кошка...

Глава 10

Ну, что греха таить... Переоценила я свои возможности. Особенно опрометчиво было послать соседку, от которой как-никак была бы хоть какая-то помощь. На второй день своего «заключения» в гипсе осознала я это с лихвой. А теперь между у нас с ней был уже не холодный нейтралитет, а настоящая открытая вражда и неприязнь. Нет, она, конечно, боялась высказывать мне что-то вслух и уж тем более делать пакости, так как страх нарваться на гнев Хищника, видимо, сидел слишком глубоко, но в моем положении это мало помогало. Ирка намеренно почти не появлялась в комнате, то есть помощи у меня не было от слова совсем.

Пачка денег, которую он сунул ей «на мои нужды», тоже нетронутой лежала на столе. Я припугнула ее, что если она прикарманит даже один рубль оттуда, то навру Анзору, что она все потратила на себя, а меня послала.

Ну, а что? Конечно, ничего бы я ему не наврала, но и деньги его, даже опосредованно, ни за что не приму! Просто кину их ему обратно в лицо при первой возможности, и я вернусь в строй.

М-да, с «кину в лицо» я, видимо, все-таки погорячилась... Уже один раз кинула... Вот, последствия разгребаю...

Оказывается, у меня совершенно нетренированные руки, а я считала себя довольно спортивной, и физручка хвалила в школе мои данные.

А в итоге дорога в туалет по ощущениям напоминает путешествие из Петербурга в Москву в лаптях. Или тот самый знаменитый путь Ломоносова до Москвы из Архангельской губернии. Про то, чтобы принять душ, даже разговора не было. Мало того, что душевые в общаге попросту не приспособлены под калек в гипсе, так еще и как технически это было сделать, я не понимала.

Ко мне и правда в первый же день приперлась строгая и высокомерная медсестра, которая явно не была прикреплена к нашей поликлинике, а вообще словно бы совмещала функции модели и ответственной за постановку уколов и клизм «вип»-больным. Да-да, вот прямо хотелось бы думать, что клизмы-то как раз громила у нее и ставил. Так и познакомились...

Она сделала мне укол. Не особо-то церемонясь. Очень болючий, а потом окинула меня скептическим взглядом.

– Условия здесь явно не для Вашего больничного.

Раздраженно отвернулась и больше с ней не заговаривала. А сегодня уже с семи утра начала психовать, что опять, второй день подряд, придется видеть эту молодую гримзу...

И вчера, и даже сегодня с утра пораньше телефон то и дело разрывался от его звонков и смсок, но я, конечно, не поднимала. Не о чем мне с ним говорить. Ясно же дала понять.

В сотый раз пытаюсь погрузиться в чтение пособия по истории Запада, да и про экономтеорию нельзя забывать. Доктор прав – раз автомат мне теперь не светит, то нужно все тщательно выучить. Когда дверь широко распахивается без стука, резко дергаюсь, от чего нога и ребра опять начинают ныть.

Черт. Ну черт! Опять он?!

– Что Вам здесь надо? Мы все уже обсудили! – вырывается с раздраженным выдохом без приветствия.

Брови Анзора нахмурены, смотрит исподлобья, челюсть поджата. Интересно, что говорит его стоматолог – там, наверное, вся эмаль уже стерта от такого прикуса...

Он молча проходит в комнату, тоже без приветствия.

Подходит к кровати и нависает сверху.

– У тебя есть ровно пять секунд, чтобы сказать мне, что из тряпок и книг тебе нужно. Потом спрашивать не буду.

– Да... Что Вы себе позволяете?! – подбираюсь, расправляя плечи в жесте встречного нападения.

– Три секунды...

– Анзор, прекратите это немедленно!

– Одна... Ну хорошо, сама напросилась...

Мужлан бесцеремонно хватает меня на руки и закидывает себе на плечо. Болтаюсь сейчас, дрыгая руками и головой, как полотенце. Верещу, а ему плевать!

Он вот прям в таком виде, в котором я сейчас – в идиотской розовой пижаме с милыми котиками, выносит меня в коридор и размашистой походкой идет к лифту.

Из комнат вылезают сонные лица жителей общаги, но никто, конечно же, не вмешивается...

– Пусти немедленно! Это похищение!

– О, смотри, какой снова прогресс! Мы снова на «ты». Со вторым пунктом тоже вроде разобрались. Ты же кавказская пленница, забыла? Играй роль до конца, Рада. Ты ведь очень упертая девочка.

От возмущения у меня даже язык набухает и не слушается, я буквально захлебываюсь в своем гневе.

Остервенело бью его по плечам, а он только ржать начинает над моей беспомощностью, как только мы заходим в лифт.

И, скотина, шлепает меня своей огромной ручищей по заднице!

Обрушиваю на него еще одну порцию ругательств.

Двери пищат и раскрываются на каком-то этаже. Господи, утро же! Студенты шныряют вверх и вниз пачками!

– Салам, брат, – слышу через тушу гиганта, совершенно не видя ничего, кроме низа лифта. Мои волосы безвольно свисают тряпкой, закрывая остатки обзора, – украл?

– Украл.

Раздается коллективный гогот. Всем очень весело. Кроме меня. Унижения продолжаются...

– Счастья молодым! – раздается нам вдогонку от попутчиков, стоит лифту остановиться на первом этаже.

Анзор быстрой и решительной походкой несет меня к выходу.

– Анзор Магомедович, что ж Вы... Радмилушке хуже стало? Вы ее на лечение?

– На лечение, на лечение, Любовь Ивановна, – воркует с каргой-вахтершей Анзор, – физиологические процедуры делать будем.

Я снова со всей силы бью его по спине за эту идиотскую двусмысленность и иронию в тоне. Специально целюсь ребром руки в позвоночник. Чтоб хоть что-то почувствовал этот толстокожий.

Он, конечно же, как самый настоящий джентльмен отвечает мне очередным увесистым шлепком по попе.

– Ой, козлина! Мне вообще-то больно! Укол твоя медсестра из эскорт-агентства сделала плохо!

Ржет в голос.

– Почему из эскорт-агентства, Рада? Хотя это ладно, может, ты и права... Ты мне лучше за другое ответь: почему жизнь тебя ничему не учит? Ты че такая дерзкая, а? За словами следи! А то физиологические процедуры будут включать и лечение рта...

Сжимаю челюсть, подавляя сто тысяч ругательств, которые сейчас рвутся наружу фонтаном.

Он опять предельно аккуратно сажает меня в свой внедорожник. На этот раз кресло уже настроено под меня. Как осмотрительно...

Сам остается снаружи, хлопает дверью, нажимает блокировку замка, а сам смывается! Просто замечательно! Я еще теперь и в его тачиле заперта!

Обратно возвращается спустя минут пять-десять с большим пакетом. Закидывает его в багажник и усаживается рядом.

– Раз ты сама не захотела поучаствовать в сборе вещей, собрал то, что подвернулось под руку.

– То есть это заранее спланированное похищение, – мои руки сложены на груди перед собой в защитной позе, – теперь-то я точно на тебя заявлю, не сомневайся... Как только снова обрету мобильность, я тебя сдам полиции!

Он садится рядом. Смотрит. Скользит от глаз к губам, снова возвращается к глазам. Улыбается вдруг очень открыто и как-то по-доброму.

Раздражает. Как же он меня раздражает!

– Не захочешь заявлять... – говорит низко и сипло.

– Еще как захочу... – вскидываю подбородок, пусть мой голос несколько и теряет уверенность. Потому что вот эта его уверенность, вытеснившая агрессию, еще больше дезориентирует...

– Спорим? Давай так, захочешь меня сдать после того, как гипс снимут – сам тебя в участок привезу, и руки для наручников протяну, Рада... Слово мужчины. А не захочешь, то...

Молчит, сглатывает, отворачивается к рулю.

Я вот тоже молчу. Губы поджимаю. Обреченно отворачиваюсь к окну. Он вытащил меня из общаги посреди дня. И слова ему никто не сказал. Ну как так-то?

Поправляю растрепавшиеся волосы на лице и от движения руки чувствую сейчас, что пахну потом. Позорище какое... Еще бы, я ведь мыться не могу уже третий день... На глазах от обиды и беспомощности наворачиваются предательские слезы.

Заводит свой ревуший двигатель, начинает движение, а меня вдруг резко что-то заставляет перевести глаза на дорогу. Истошно ору, потому что вижу, как знакомый маленький котенок вдруг неуклюже вылезает из-под колес соседней припаркованной машины и безалаберно лезет под колеса к нам!

– Осторожно, слепой! Не задави Рыжика!

– Кого?

Глава 11

Доезжаем до его дома, тоже напоминающего космический корабль, всего за пару минут. Ну еще бы. Все для удобства его Высочества – чтобы до института ездить недалеко было, когда все-таки соизволит поехать...

Он опять несет меня на руках. И уже вроде бы не первый раз, а у меня все равно внутри все скручивается, и сердце начинает неистово стучать. Неудобно до жути...

Заносит меня в просторный холл в футуристичном стиле. Зеркальный лифт стремительно уносит нас куда-то очень высоко вверх.

Пока едем, оба молчим.

Цепляю глазами его улыбку, но не перевожу на него глаза, хотя чувствую, что он смотрит на меня.

– Можешь дышать, Рада.

Вот же гад, а? Со всего ему смешно.

– Отпустишь, отдышусь, – огрызаюсь.

Это происходит спустя пару мгновений.

Анзор открывает огромную входную дверь в свою берлогу смарт-ключом в виде карточки и прям в обуви проносит меня в просторную гостиную, посередине которой низкий диван.

– Давай пристроим тебя пока здесь.

Пораженно оглядываюсь по сторонам, рассматривая это огромное пространство с гигантскими панорамными окнами почти в четыре метра высотой. Никогда даже не видела таких шикарных квартир, что уж говорить о том, чтобы в таких бывать...

Да уж, берлога так берлога...

Здесь можно в футбол играть или петь а капелла – фантастическая акустика...

Анзор ходит по квартире все так же в уличной обуви, с кем-то разговаривая по телефону.

А я так шокирована роскошью этой квартиры, что даже не успеваю поймать нить разговора. Нет, меня не мучает совесть, что я подслушиваю. Потому что я в одном закрытом пространстве с большим наглым кавказцем, который утащил меня на глазах у всего института в одной пижаме...

– Через полчаса будет Эрика. Сделает тебе уколы.

– Эрика? – прыскаю. С самого начала я была настроена против заланки Анзора, поэтому даже не стала запоминать её имя. Даже не удивлена, что ту зовут Эрика. Имя тоже эскортное...

Он закатывает глаза, но тоже улыбается.

– До ее прихода предлагаю тебе помыться, Рада.

Меня аж током прошибает. Это намек на то, что я воняю? Позорище... Снова на глаза слезы наворачиваются...

– Это вообще-то из-за тебя все... – Губы трясутся, отворачиваюсь. – Как бы я купалась с гипсом в душе общаги...

Анзор быстро опускается передо мной на корточки. Кладет руку на коленку. Дергаюсь, уворачиваясь.

– Ты это чего? Рад... Я не про то... Просто понимаю, что ты не могла там физически это делать, и тебе явно хочется помыться. Я в том числе и потому тебя забрал. Это твое геройство излишне... Я виноват, ты права... Потому и исправляю свои ошибки... Послушай, – трогает за подбородок, я опять уворачиваюсь.

– Не трогай ты меня, Анзор! Если ты... Если ты ко мне прикоснешься...

– Тихо! Хватит истерить. Я говорил тебе, что тебе ничего не угрожает! Не буду я тебя ни к чему принуждать!

Встает, отходит. Заметно нервничает.

– Я наберу ванную и помогу тебе в нее опуститься. Ногу в гипсе положишь на подставку и спокойно полежишь. Это полезно при ушибах...

Тут же скрывается за одной из комнат. Слышу шум воды. Спустя минут десять появляется снова в дверях. Рукава свитера закатаны до локтей.

– Идем, – поднимает, решительно заносит в ванную.

А я снова от шока обмираю, когда вижу это пространство, как на картинках спа-салонов. И это ванная? Это целый бассейн...

– Отвернись! – шиплю, начиная поспешно стягивать с себя штаны пижамы, как только он опускает меня на край этого самого бассейна. – Интересно, зачем такие корыта устанавливать дома... Просто интересно, что ты в ней делаешь...

Не могу не съязвить, хоть тут же и прикусываю язык. Потому что он поворачивается на меня, поднимая бровь с явным намеком. Понятное дело, что он там делает и с кем... Вон, скоро как раз Эрика подойдет...

– Если ты уже помогаешь, то помоги, – говорю я резко и немного смущенно.

Он продолжает смотреть на меня с недоверием.

– Ты что, собираешься купаться в кофте и трусах? – спрашивает он.

Замираю на мгновение.

– Даже не думай увидеть меня без одежды, – говорю я сквозь зубы.

Конечно, я в кофте! Это же моя пижама. Я обычно сплю без лифчика. Я же не думала, что меня кто-то вытащит из постели в таком виде!

Он пожимает плечами и начинает помогать мне. Он аккуратно ставит мою ногу в гипсе на деревянную подставку.

– Давай сюда свою кофту, – говорит он и отводит взгляд.

Снимаю кофту и скатываю ее по телу. Пена действительно скрывает меня.

Откидываю голову назад и выдыхаю с облегчением.

– Я вернусь через пятнадцать минут. Если что-то понадобится раньше, зови.

Следующие пятнадцать минут наслаждаюсь блаженством. Теплая вода ласкает мое напряженное тело. Взбиваю невероятно дорогой, судя по запаху, шампунь в шелковистую пену и тщательно мою свои длинные волосы.

Когда он стучит в дверь, мне кажется, что прошло всего несколько секунд.

Он заходит.

Зависаю в моменте, потому что только сейчас понимаю, что мне еще как-то нужно перед ним вылезти... В одних мокрых трусах, которые я так и не решилась снять...

Анзор, на удивление, сам приходит ко мне на помощь.

Берет с подиума большое белое пушистое полотенце и раскрывает его, как простынь.

Закрывает им обозрение на меня.

Протягивает мне края.

Как только поднимает из воды, я тут же себя обматываю.

– Все нормально?

– Нормально, – нервно сглатываю и тут же понимаю, что далеко не все нормально... Потому что в бедро мне упирается что-то очень твердое... Опять забываю, как дышать...

Глава 12

– Ай! – вскрикивает лежащая на диване вверх попой Рада, когда тонкая игла в руках Эрики входит в ее ягодицу.

– Можно аккуратнее? – вырывается у меня в защиту девочки.

Сам с детства ненавижу уколы. Это правда крайне неприятно и жутко болюче. И даже не сам процесс, а вот эти гадкие шишки под кожей после укола, которые еще должны рассосаться.

Рада кидает на меня яростный взгляд, поворачивая голову в мою сторону.

– Можно отвернуться?

– Я там ничего не вижу, все целомудренно прикрыто, – хмыкаю, бессовестно ей вру.

Вижу, конечно, и потому нарочно стою и смотрю.

На эти шикарные длиннющие ноги, на начало упругих вздернутых ягодиц, над которыми манящие ямочки. Полотенце деликатно сдвинуто так, что открыто только место, куда медсестра делает укол, а дальше только фантазировать...

А фантазия у меня в последние дни сильно шалит... Так сильно, что до сих пор чувствую под рукой упругую нежность ее округлой охуенной попки, которую не удержался и пару раз шлепнул, пока нес строптивую красотку в машину.

Рада... Радмила... Какое имя красивое, редкое... Какое-то достойное, что ли... Как она сама... Ни соска, ни шлюшка и ни шкура. Эта девочка другой касты. Другой породы. Она сама пока не знает, а я чувствую это. Чувствую ее гордость и достоинство даже не разумом, а какими-то внутренними фибрами. Это удивительное ощущение. И почему-то очень естественное. Мне вообще грешным делом кажется, что это как у самцов и самок в природе – когда они по запаху определяют свою пару даже на расстоянии.

Она тоже это чувствует, я же баб знаю, как свои пять пальцев. По взгляду вижу, по языку тела... Просто упертая пиздец. И даже это в ней торкает не по-детски. Каждая ее дерзость, каждая реакция, каждая фраза – это нокаут. Выбивает меня из колеи, дезориентирует. Заставляет беситься и тут же умиляться, как дебилу.

Я, конечно, врал ей безбожно, когда сказал, что привез к себе только потому, что в общаге нет условий в ее положении. Не вернется она туда.

Моя девочка будет жить со мной. Пусть хоть армию против меня поднимет, и весь МУР пришлет меня арестовывать, я все равно верну ее обратно. И буду возвращать до тех пор, пока не поймет, что все, капец ей. Она теперь со мной. Других вариантов по-любому у нее нет...

– Ну, я закончила, – томно выгибается Эрика из своего положения раком. Идиотка, напавшая мини-юбку в виде костюма медсестры из секс-шопа. Приторные духи бьют в нос и вызывают раздражение. Эта вонь сейчас перебивает запах моей девочки. И какого хера я попросил Расула прислать мне медсестру? Ясное дело, что там за медсестры у Расы с его подпольными боями... Девки сначала штопают бойцов. Потом уже бойцы их... Штопают...

Смойся, блядь. Как можно быстрее...

– Свободна, – шепчу и снова жадно хватаю глазами силуэт Рады, который она сейчас старательно прикрывает широким полотенцем, чтобы от меня закрыться еще сильнее...

Да, мне ее еще рассматривать и рассматривать... Чувствую, долго не насмотрюсь...

– Завтра в то же время? – продолжает верещать соска-медсестра.

– Напишу, – хрипло выдаю ей, не удосуживая даже взглядом.

На Раду смотреть хочу. Чтобы она бесилась и смущалась. Пиздец это меня торкает. Я словно каждый раз с тарзанки вниз сигаю. Сердце ухает так громко, что, наверное, слышно на всю квартиру.

Дверь сзади хлопает.

Иду в коридор и заносу пакеты с одеждой и едой из ресторана, которую заказал для девочки.

– Вот спортивный костюм, чтобы тебе удобно было. А вот пакет с завтраком. Поешь, пожалуйста.

Рада ловко группируется, немного морщась от все еще имеющейся боли в ребрах. Садится и царапает взглядом.

– Хватит уже таращиться.

– Сама оденешься?

– Оденусь!

Едва скрываю улыбку. Самостоятельная, епт...

– Кофе сделать тебе?

– Сделай, – смело отвечает на мой взгляд, – ты мне, кстати, должен кофе.

Прыскаю.

Машу головой. Вот же засранка, а?

– Это я тебе должен? Это ты мне кофе испоганила дорожную кожанку...

– Продолжим этот разговор? – поднимает бровь. Наглая. Охуенно наглая. Искрюсь весь от кайфа и предвкушения, что ей скоро будет за эту ее наглость...

Спустя пару минут возвращаюсь в зал с чашкой дымящегося напитка.

– Я в институт, Рада. Давай ты не будешь вредничать. Скажи, какие учебники тебе привезти... Когда у тебя зачет, о котором ты говорила доктору?

Она дергается, как от удара. И я даже понимаю, почему... Да, киса. Я слышал не только это. Ты чистенка. Нераспечатанная. Для меня...

– Это не имеет значения, я все равно ничего не сдам уже, – отворачивается к окну.

– Баграмянц не такой уж и цербер, не слушай всяких интриганов. Он не заваливает тех, кто реально учится.

Рада хмыкает.

– А тебе откуда знать? На студента-ботана ты явно не тянешь...

– А ты считаешь, что хорошо учатся только зашуганные ботаны? – усмехаюсь в ответ.

Рада фыркает и опять отворачивается.

А я иду на выход от греха подальше. Потому что теперь каждый раз вот такие наши стычки провоцируют во мне одно единственное желание – завалить ее и трахнуть так, чтоб у обоих искры из глаз сыпались.

Но пока придется подержать себя в узде...

Девочка не готова, да и мне нравится эта игра в кошки-мышки...

Кстати, о кошках...

Паркую машину возле ближайшего от универа супермаркета, ловлю свое отражение в зеркале заднего вида. Ржу сам над собой.

Ну, Анзор. Сейчас бы тебя увидел кто со стороны, уссался бы...

Спустя пять минут возвращаюсь обратно с консервой.

Перепарковываю тачку возле общаги, в том самом месте, откуда появилось это наглое рыжее чудовище в грязи.

– Эй, выходи... – говорю тихо, как волк из «Ну, погоди» в стиле «Заяц, ты меня слышишь»? Ну реально, позорище... Если сейчас меня кто увидит из пацанов...

– Как там тебя... Кс-кс-кс... – чувствую, как злюсь. Даже как лицо гореть начинает, чувствую. Вот же Рада, зараза... Это все эти ее дрожашие губы и такая тоска в глазах... Рыжик, блядь... Несчастный малыш, который почему-то именно из-за меня обречен на голодную и холодную смерть...

– Рыжик! – говорю громче. – Кс-кс-кс! Иди сюда, животное!

Открываю вонючую рыбную консерву. Они ж с таким нюхом. Помню из мультфильмов, который в детстве с Расулом смотрели, что вроде как кошки рыбу жрут... Так что должен вылезти, гаденыш...

И правда, спустя мгновение наглая худая морда появляется из-под соседней машины. Еще грязнее, чем был. Он что, в лужах купается?! Поросянок какой-то, а не котенок! И мне вот этого чертилу в свой шикарный салон сейчас засовывать?

– О, Анзор, брат, как дела? А ты че тут? – слышу сбоку из подъезжающей машины.

Оборачиваюсь на приятеля и тут же сам подрываюсь резко, потому что он смотрит на меня, а не на дорогу и сейчас вот-вот задавит Рыжика.

– Стой, блядь! – кричу. Слышу визг тормозов.

В ужасе перевожу глаза на дорогу и вижу, что котяра стоит себе преспокойно в двух метрах от тачки. Живой и невредимый.

А потом опускаю глаза себе на ноги. Смачно и громко матерюсь.

Сука, это какая-то карма?! Почему из-за этой девчонки я за последние пару дней гардероб себе подпортил миллиона на полтора?!

Сначала куртка от З*лли. Теперь вот новые замшевые макасы Л*ро Пиа*а залиты вонючим рыбьим маслом из консервы...

Нет, эта коза определенно ответит мне за все...

Глава 13

Весь день я предоставлена самой себе и потому хоть, наконец, могу выдохнуть. Даже поспать ночью толком не получалось, зная, что со мной в одной квартире этот громила...

Стоило ему только захлопнуть за собой дверь, сразу даже как-то дышать легче стало. Поудобнее устроилась в гостиной на диване и погрузилась в чтение. Учебу никто не отменял. Может быть, в этом лежании на больничном даже какие-то плюсы есть – можно ударно погрузиться во внеклассное чтение, до которого все никак руки не доходили...

На город опускаются легкие сумерки. В панорамных окнах его шикарной квартиры ранний вечер выглядит загадочно и даже романтично – со всполохами оранжевых лучей на горизонте. Я как раз задумываюсь о вечном в тот момент, когда хлопает входная дверь.

Перевожу напряженный взгляд на дверь и не могу скрыть удивления.

Сначала появляются какие-то бесчисленные пакеты и коробки, потом уже вижу статную фигуру Анзора.

И как он сам все это допер сюда?

– У нас что, Новый год? – не выдерживаю и спрашиваю со скептицизмом.

– Почему Новый год? – откладывает свою поклажу мужчина и смотрит на меня в недоумении, то ли изучая, то ли хмурясь. Никогда не понять этот взгляд...

– Ты прям как Дед Мороз, увешан ворохом какой-то мишуры...

В этот самый момент вижу, как одна из коробок начинает жить своей жизнью. Трясется и качается из стороны в сторону. Становится как-то стремновато...

– Анзо-о-ор... – автоматически подбираюсь на всякий случай, – что это ты такое принес?

Он оборачивается на источник движения. Совершенно обывательским спокойным голосом тянет:

– А, это змея... Милый удавчик... Решил принести тебе сородича, чтобы скучно не было днем в мое отсутствие.

Ужасно то, что с него станется. И правда ведь мог притащить...

Когда крышка на все более активно качающейся коробке внезапно съезжает вбок, я непроизвольно вскрикиваю и жмурюсь. Терпеть не могу всяких скользких холодных гадов...

Слышу жалобное мяуканье и в шоке распахиваю глаза.

– Рыжик? – недоуменно оглядываю милаша, мордаха которого выглядывает из коробки. Бодрый карапуз тут же вылезает оттуда и снова громко мяукает. Теперь уже совсем не грязный, а очень даже холеный, хоть немного и испуганно-растерянный в новом огромном пространстве. В этом мы с ним похожи. Я до сих пор на все тут смотрю круглыми глазами. – Это Рыжик? А как он... такой чистый?

Анзор поджимает губы и слегка их кривит.

– Еще и здоровый. Два часа у ветеринара проторчал. Сделали ему прививки и паспорт завели.

А потом поднимает на меня свои руки, которые все до жути исцарапанные.

– Ты мне должна, Рада! Теперь уже точно!

* * *

Она смотрит на мои выставленные руки, а потом вдруг... улыбается...

Мать его, впервые в жизни смотрит на меня и улыбается.

А я охереваю. Потому что не видел еще на ее лице улыбку. Пиздец красивая. И уже царапины от когтей этого рыжего монстра так сильно не зудят.

Рада вдруг подается вперед и пытается сесть, я быстро подбегаю к ней, потому, что такие резкие движения – явно не то, что нужно для ее восстановления.

– Осторожнее! – говорю громко и грозно. Так что Рыжик группируется и ныряет куда-то под комод.

– Тихо, не кричи! Малыша испугал! Все нормально – я уже приноровилась, знаю, как рассчитать силы и не давить на ребра... А нога вообще после обезболивающего не болит.

Кидает взгляд на тумбочку возле дивана, а там все еще стоит спирт и вата – для ее утренних инъекций.

– Садись, – говорит решительно, а я слушаюсь, как оладушек.

Рада деловито и решительно берет своими пальчиками мою лапищу, внимательно и критически изучает, а потом промакивает вату и начинает безжалостно обрабатывать спиртом мои руки. Я шиплю. Сука, правда больно!

И она... Она подносит мою руку к своему лицу, слегка наклоняется и... дует...

Дует своими губами на вспухшие порезы.

Так спокойно, как ни в чем не бывало. Вытягивает пухлые натуральные губы, которые я хочу сожрать, и дует...

Мне кажется, в этот самый момент из меня вырывается животный стон... А может, это у себя в голове я громко и протяжно стону. Почти в оргазме...

Блядь, если у меня ментальный оргазм от одной ее улыбки и вытянутых дудочкой губ, то, что будет, когда...

– Я не ожидала от тебя... – тихо произносит она. – Спасибо... Это благородный поступок... Животные не могут за себя постоять... Они беззащитные. Больно смотреть на то, как те, кто сильнее, заставляют страдать слабых и беззащитных.

Внутри что-то сначала натягивается, а потом больно лопается...

Я не про афериста рыжего думаю, который наверняка бы все равно хорошо по жизни пристроился возле какой-нибудь колбасной лавки. Я про нее думаю. Вспоминаю, как отчаянно и храбро она вела себя напротив гогочущей толпы мужиков, которые могли разорвать ее в один присест... Вспоминаю свою злость на нее...

Пытаюсь сделать вдох, хватаю ртом воздух, а не получается...

– Рада... – выходит сипло, почти задыхаясь, – ты... ты когда сиганула вниз, я...

– Испугался? – усмехается она. – Еще бы... Понимал, что капец тебе... Даже с твоими бабками не отмазался бы от мокрухи...

Не выдерживаю и протягиваю руку к ее лицу. Накрываю щеку и глазу, впиваясь глазами так сильно, чтобы она не смогла отвернуться. Держу ее взглядом непроизвольно. Она дергается и напрягается, но не отстраняется...

– Нет, не страх это был... Злость... Злость на самого себя за то, что ты можешь погибнуть, и я... всю жизнь буду страдать, что упустил родственную душу...

Рада тоже замирает. Сглатывает, дышит часто, взволнованно. Но зрительный контакт разрывает первой.

– Придумал тоже... Какая родственная душа. Не нужно громких слов, Анзор. Спасибо тебе за заботу, но...

– Если бы я на твоём месте оказался, Рада, я бы точно так же бы сделал... И за подругу вступился, и по морде бы заехал обидчику, и в окно бы сиганул, только чтобы не быть униженным...

Она опять теряется на секунду, а потом резко переводит глаза на вход. Ее глаза и губы округляются.

– Рыжик, брысь! – слышу ее встревоженно-строгий голос.

Оборачиваюсь и матерюсь.

Вот же ж обувной Терминатор! Сначала его вонючая рыба залила одни мои ботинки, а в другие он теперь имел наглость насрать!

Глава 14

– Рада... Рада... – слышу низкий вибрирующий голос, отдающий тягучей тяжестью в животе, пробегающий током по конечностям, – будь моей, Рада... Скажи, что ты моя...

Рвано выдыхаю, замираю. Чувствую, как гулко ухает сердце и стучит нервно в виске...

– Рада-а...

Этот хриплый тембр – как само воплощение соблазна и неизведанного порока, который так хочется попробовать.

– Рада... – дымка сна рассеивается. Я концентрирую глаза и теперь вижу перед собой Анзора, который полностью одет и нависает над кроватью, – вставай, Рада.

Недоуменно моргаю. В груди все еще стучит...

– Я... – нервно сглатываю, стараясь скинуть морок дремы. Надеюсь, что мои горящие щеки сейчас не полыхают, как румяные яблоки. Если он только узнает, что мне снилось...

– Рад, семь тридцать утра. Если встанешь, то успеем даже кофе попить.

– Перед чем успеем? – все еще не понимаю я. Потягиваюсь на кровати, резко натягивая одеяло почти до шеи – я в майке, которую он чудом все же вывез в числе прочих моих немногочисленных вещей за пять минут хаотичных сборов. Но она явно просвечивает, и...

– Сегодня твой важный семинар у Баграмянца, который может обеспечить тебе автомат на зачете. Так что поторапливайся...

Отводит глаза. И все равно успевает ими так зацепить меня, что на голой шее чувствую жжение...

– Я... А как я поеду? – продолжаю тупить. Хочется надерзить ему, но робкая надежда внутри...

– На ковре-самолете, – усмехается он, энергично направляясь на выход, – у тебя десять минут на сборы. Привычный вопрос, на который я уже знаю ответ, но все равно спрошу: помощь нужна?

– На фронте без перемен, – усмехаюсь в спину, но внутри ликую. Господи, я в принципе очень хорошо готова к занятию. Может быть, надежда на повышенную стипендию не такая уж и иллюзорная...

Проходит десять минут – и я как солдат. Неизменная джинсовая юбка. Правда, колготок нет, но мы ж на машине. Не замерзну.

– Я готова! – кричу, чтобы он услышал и дал мне костыли.

Анзор появляется в дверях. Его брови сдвигаются на переносице, а губы раздраженно кривятся.

– Ты в таком виде не выйдешь из дома, – категорично режет он.

– В смысле? У меня нет другой одежды.

– Костюм спортивный надевай.

– Я в институт, а не в спортзал.

– Вот именно, что в институт, а не мужиков снимать. Я тебе сказал, что юбку ты сейчас снимаешь, или я подойду и сам с тебя ее сниму.

– Попробуй... – слова вырываются раньше, чем я думаю.

Мгновение – и я громко вскрикиваю, когда он одним прыжком оказывается возле меня, и... хватая за два края джинсы, разрывает ткань с жалобным треском.

Хватаю возмущенно ртом воздух. Внутри все собирается в толстый жгут от шока, раздражения, ярости...

Натыкаюсь на такой же яростный взгляд...

– Ты... что себе позволяешь... – задыхаюсь, захлебываюсь от переполняющих эмоций...

– Ты... ты...

Совершенно забыв о травме, как горная коза подскакиваю на одну ногу и со всей силы толкаю его в грудь.

Анзор рычит и тут же притягивает меня к себе. И...

Его жесткие губы впиваются в мой рот присоской. Щетина царапает, наглый язык проникает в меня и совершенно бесстрашно исследует мой рот.

Слышу его сдавленный рык и чувствую, как огромная ладонь сжимается на ноющей от уколов ягодице.

Толкаю, толкаю его в грудь, но... С каждой секундой мое сопротивление становится все более слабым. Мгновение – и я вдруг ловлю себя на мысли, что даже вовсе и не сопротивляюсь вовсе. Позволяя себя целовать.

Дышу тяжело, в прострации. Словно бы не могу поверить в то, что происходящее со мной реально...

Я целовалась с парнями. Три раза. Все из них были совершенно разочаровывающими и незапоминающимися, но этот поцелуй...

Он похож на целую историю...

Анзор слегка отодвигается от меня, заглядывая в глаза и порывисто дыша.

– Рада, договоримся сейчас... – говорит мне хрипло в губы. – Мои приказы в вопросах того, что ты надеваешь на себя, не обсуждаются, это понятно...

– Да что ты... – начинаю снова свой бунт, но он тут же затыкает меня поцелуем, на этот раз вжимая в себя так сильно, что я снова чувствую каменную твердость, утыкающуюся мне в живот.

Глава 15

Мои губы все еще горят от его поцелуев, хоть прошло уже часа три, а щеки... Щеки и не переставали пылать.

Сначала от нашей ожесточенной перепалки по следам его совершенно неоправданного авторитаризма. Потом – потому что нагло и решительно взял меня на руки прямо с пассажирского сидения и на глазах у всего института понес к аудитории. Нас видели все... Просто ужас... Представляю, что теперь вообще будут на эту тему говорить...

Но на этом «приятные» сюрпризы не закончились. Когда Баграмянц увидел Анзора, он расплылся в такой теплой, дружелюбной улыбке, что я даже грешным делом подумала, что они родственники.

– Какими судьбами, Анзор? Консультация только в субботу... У тебя сегодня день самостоятельной подготовки, если я не ошибаюсь.

– А я привел подопечную, – кивнул в мою сторону, – на семинар Ваш рвется. Об автомате мечтает. Вон, на одной ноге даже прискакала.

Мужчина окидывает меня строгим взглядом и слегка морщится.

Убью этого наглого кавказца! На фига он сказал про автомат?! Зачем так очевидно?!

– Значит, рассчитываете не сдавать зачет? – спрашивает с подковыркой профессор, – халява, знаете ли, губительна...

– А я не хочу халявы, – сиплю спорю, хотя понимаю, что ступаю на зыбкую почву... Как можно спорить с преподавателем? Это заведомо обречено на провал, – я хочу... заслуженно.

Мужчина усмехается, переводя взгляд на моего цербера.

– Анзор Магомедович, может, тогда тоже поучаствуете в семинаре? Вы ведь ко мне в аспирантуру идете... Придется подключаться к учебному процессу скоро, самому преподавать.

Из семинара гребаная пара превращается в какой-то мини-экзамен для меня. Баграмянц подкальывает, и все время задает каверзные вопросы. Я отвечаю, хоть время от времени запинаясь. Во многом потому, что черный взгляд острых глаз ни на секунду меня не оставил. Справедливости ради, мне пока далеко не все понятно в экономтеории. Многие вещи я просто слепо заучила и потому могу плавать в каверзных вопросах...

Чувствую, как недоуменно на нас смотрят другие мои согруппники, которых словно бы не существует для двух «очень плохих преподавателей». Хочется провалиться под стол. У нас сегодня явно театр одного актера.

Пара заканчивается после полутора часов, а мне кажется, что прошло полвека. Я выжата, как лимон.

Если бы могла сейчас ускакать куда-нибудь в уголок и прикорнуть, то сделала бы это непременно...

– Ну что, Радмила, – слышу обращение к себе Баграмянца после того, как они безмятежно что-то обсудили за кафедрой с Анзором, пока выходили студенты, а я тупила из-за ноги, – Вы и правда молодец... Есть провисания, конечно, но Анзор Магомедович пообещал с Вами поработать. В целом да...

– Да? – не поняла я.

Он поджал губы в раздражении. Есть такие преподаватели, которых страсть как бесит любая на свете реакция студента.

– Да, в смысле, заслужили автомат. На следующий семинар придете с зачетной книжкой. Поставлю Вам, не будем тянуть до декабря...

Одна моя часть хочет ликовать и радоваться. Другая – зла.

Внутри толстым червяком разрастается ощущение, что получила автомат незаслуженно. Что это он уломал препода... Прямо чувствую себя какой-то бездарью с протекцией... Все эти

намеки про его шефство надо мной. Честно говоря, я вообще в шоке. Уж чего-чего, а прилежности в учебе от этого горного орла не ждала...

Когда Анзор снова неожиданно подхватывает меня на руки и быстро несет к выходу, я чувствую, как вся напряжена. Даже руки сжаты в кулаки.

– Выдохни уже. Про то, что ты со мной, и так уже знает весь универ, – выдыхает в волосы удовлетворенно.

– А я не с тобой, Анзор! – раздраженно шиплю на него, ударяя по спине.

Он втягивает воздух через зубы.

– Умерь свой темперамент, Рада. Не надо сейчас показывать всему универу, какие у нас страсти. Дойдем до машины – там поговорим.

Теперь уже моя очередь стискивать зубы. Закрываю глаза. Не хочу и не могу ни с кем пересекаться взглядами...

Открываю глаза только тогда, когда удивленно обнаруживаю, что под попой не широкое кресло внедорожника, а низкое, почти в горизонтальном положении ложе того самого космолета, на котором он чуть меня не сбил.

Анзор бережно пристегивает меня, быстро запархивает в машину и стартует так, словно бы пытается преодолеть скорость света.

– Мы сейчас взлетим?!

Хмыкает и уверенно дает в сторону объездной дороги, съезжая с маршрута до квартиры.

– И куда ты едешь? Вернее, несешься, как пуля...

– На наше первое свидание, конечно же, – усмехается он, а потом, не отрываясь от дороги, закидывает руку назад на пассажирское сидение и перекладывает мне на колени огромный букет красных роз.

– Поздравляю с автоматом, Рада! Будем отмечать!

– Я не хочу ничего отмечать, – тушуюсь, не зная, куда себя деть от эмоций. Все рядом с ним слишком стремительно закручивается. Как в воронку... Этот букет, забота, очевидный авторитет в глазах строго преподавателя и явно не за взятки... А теперь вот эта поездка и ощущение господства над гравитацией в этом космолете из фильма «Форсаж»...

– Анзор, ты знаешь... – пытаюсь звучать не агрессивно, а скорее убедительно... С этим мужчиной все равно не работают мои протесты, но тормозить на этой умозрительной трассе «Формулы-1» нужно...

– Ты, как мне кажется, не туда ведешь... Во-первых, у меня нет никакого настроения что-то отмечать с костяной ногой и вообще... Я устала. Во-вторых...

– Рада, это вообще-то не предложение было, – усмехается он, вжимая педаль газа в пол, но смотря при этом в упор на меня. – Мы едем кайфовать...

– Приказываешь? – усмехаюсь я. – Ты серьезно думаешь, что можешь вот так просто взять и начать мне что-то приказывать, как сегодня с утра? Вот реально?!

Протест внутри пенится и подогревает кровь. И я словно бы даже уже не боюсь этой дикой скорости...

Он снова бесстрашно отрывается от дороги и впивается в меня глазами. Как-то иначе. Взгляд как кофейная гуща. В которой я погрязла и застыла... Он сковывает и поработает...

– Ты пока еще вообще ничего не понимаешь, девочка. Знаешь, мне пока нравится это твое вечное сопротивление, – усмехается как-то темно и порочно, – но совсем скоро я научу тебя не просто быть послушной, а течь от моих приказов...

Вздрагиваю, когда его большая ладонь нагло ложится на мою коленку и властно сжимает, а машина прибавляет еще не меньше пятидесяти километров в скорости с места...

Глава 16

Мы в каком-то невероятнейше дорогушем ресторане на Воробьевых горах, на которые такие, как я, даже смотреть обычно боятся.

Чувствую себя крайне неуверенно. Вокруг сплошной пафос: надутые губы, груди на выкат, люксовые лейблы чуть ли не на лбу, и я... с гипсом на ноге, распущенными волосами без укладки, с минимумом косметики и в спортивном костюме...

Злюсь на него, смотря в свою тарелку и ковыряя салат вилкой. Была бы я мобильна, сразу бы развернулась и ушла, не дожидаясь всего этого унижения в виде десятков обращенных на меня удивленных глаз с накладными ресницами. Нет-нет, сначала они красноречиво-вожде-ленно осматривали Анзора, а потом задавались вопросом: кто это с *ним*?

– Я здесь неуместна. Зря ты меня сюда притащил, – бубню под нос.

– В смысле неуместна, Рада? – усмехается Анзор моему замечанию. – Здесь замечательная кухня. Я люблю это место...

– Кухня замечательная? Или вид... – хм, пытаюсь сострить, – на московские холмы?

Киваю головой в сторону очередной проплывающей мимо гурии, сиськи которой почти полностью оголены под черным агрессивным корсетом. Вот уж точно. Холмы так холмы...

Он прыскает со смеху.

– Какой же у тебя язык злой, змея, а? – машет головой и смотрит, смотрит... – Ты здесь самая охуенная, если нарываешься на правду... Хочешь комплимент – так и скажи прямо, что обижать убогих и обделенных...

Фыркаю.

– Скорее голых и смешных. Но вообще-то мне не нужны от тебя комплименты. И вообще, на комплименты обычно не напрашиваются...

Анзор откидывается на кресле. Серьезен вдруг.

– А я не мастак их делать, Радмила. Я человек дела. И, по-моему, уже всем показал, насколько ты на меня произвела впечатление... Это разве не самый громкий комплимент? Даже у ректора, судя по всему, после сегодняшнего твоего дефиле по универу почти у меня на шее сомнений не осталось...

– Ректору?

– Его машина как раз заезжала на парковку, когда я заносил тебя в здание, – пожимает плечами.

Я снова краснею от стыда, смущения и молчаливой злости. Вот вечно с ним все через край. Блин, мне правда тут неуютно. Хотелось бы выглядеть эффектно. Чтобы эти дуры так не смотрели на меня свысока. Вспоминаю про свою рваную джинсовую юбку – и зло берет. Вот разрешил бы он мне в ней поехать, хоть немного бы лоска образу... А потом сама себя осекаю от этой мысли... Это как я рассуждаю?! Что значит «разрешил»? Я вообще это о чем?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.